КРОКОДИЛ

— В конец не становитесь, на всех не хватит!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

ТЮЛЬПАНЫ ДЛЯ ПРОКУРОРА

В кругах, тяготеющих к импортным подтяжкам и прочим товарам иноземного производства, бытует такое просвещенное мнение: мода, она идет издалека — через границу.

— Все, что не наше, хватай, не глядя,— поучает знающее лицо, — оно лучше.

А тут как раз было не наше. В СУ и ЖКК треста «Кадиевжилстрой» поступил импортный ковровый линолеум. Правда, поначалу на него как-то не обратили особого внимания.

— Настелим в детсадике,— сказал серьезный и ответственный товарищ,— пусть ползают по нему детишки.

— Ковер. Импорт. Разве детишки это поймут? — смекнул другой товарищ — начальник жилищно-коммунальной конторы А. Г. Чередниченко.— А если линолеум настелить в квартире, да созвать гостей и устроить танцы — гости будут стонать от зависти.

Смекнул и урвал от огромного рулона небольшой кусочек.

Гости действительно стонали:

— Модерн! Париж! Ну, форменная Европа!

— А вот мы себе тоже Европу устроим! — сказал на другой день начальник СУ С. М. Теленик, отхватывая от рулона еще 57 метров.

Эффект получился не меньший.

И вот уже по Кадиевке ползет слух: «Паркет — это примитивно, в моде нынче импортный линолеум». Слух, как водится, исходил от авторитетных лиц, которые «ну, только-только из Парижа».

Мода — это, конечно, хорошо. Париж — убедительно. Само собой разумеется, хочется не отстать.

И вот уже к энтузиастам и законодателям моды Чередниченко и Теленику мчится не желающий отстать от Европы начальник сметно-договорного отдела комбината «Луганскшахтострой» А. А. Кушнарев.

— Надо, ребята, друг дружке помогать,— утираясь кепкой, как платком, начал он с порога.— В моих руках сметы, в ваших — рулончик. Отрежьте кусочек.

Ну, почему же не помочь, не отрезать кусочек? Рулон-то вон какой огромный! А начальник сметно-договорного отдела — человек полезный.

Как вскоре выяснилось, чрезвычайно полезен и тоже не желает отстать от моды начальник планового отдела комбината С. М. Громыко.

Короче говоря, в тот день еще 71 метр линолеума был отхвачен от рулона и настелен в квартирах полезных людей. А заместитель начальника комбината Л. Е. Кулешов подвергнут дома резкому разносу:

— Нет, ты не замнач, Леонид Ефремыч! Твои подчиненные танцуют на линолеуме, а тут изволь выкаблучиваться на паркете! Где твои глаза? Где уши?

Леонид Ефремыч пришел в движение, словно бы речь шла о срыве плана строительства. Но здесь не план. Здесь проще. Он только нажал на нужные кнопки, и бойкие энтузиасты мигом отхватили от рулона еще 45 метров.

Итак, мода подхвачена.

Мысль о детсадике пришлось временно отложить. Ну, разве впору думать о детишках, когда, например, сам главный инженер комбината Г. И. Рыбалкин еще вытанцовывает на паркете? А он человек не только передовой, но и с большим размахом. Ему отхватили 99 метров.

Тут автор должен сделать небольшое пояснение.

Идти в ногу с модой, да еще с размахом, безмерно радостно и приятно. Если б не одно огорчительное обстоятельство: мода, она требует жертв — по два с полтиной за каждый метр в данном случае. Но в том-то и дело, что жертвы исходили исключительно от государства. Отсюда и такой размах, такая активность и массовость.

Энтузиасты разматывали рулон легко и просто, как катушку ниток. Даже не имеющий к ним никакого служебного отношения, но потенциально полезный начальник отдела кадров треста «Кадиевподземшахтострой» В. Г. Присяжный успел урвать 45 метров. Ну, а когда вспомнили про детсадик, от рулона остались лишь одни накладные.

И среди отсталых, педагогически настроенных лиц поднялся шум:

— Грабеж! Варварство! Целый рулон размотали!

Шум докатился аж до городской прокуратуры, до кабинета помощника прокурора Е. Ф. Пугачева.

— А вот я вам задам! — загорячился товарищ Пугачев.— Мне, значит, фигу вместо линолеума? Я, стало быть, не полезный?

— Линолеум — это уже устарело,— живо нашелся смышленый Чередниченко,— в Париже, говорят, тюльпанами стены отделывают.

— Вы нас только не трогайте! — подхватил Теленик.— Мы вам их мигом нарисуем!

Смягчился Е. Ф. Пугачев. Не устоял перед тюльпанами.

А шум катился. И достиг горисполкома.

И тогда из-за стола поднялся преисполненный забот о благе жителей города заместитель председателя Г. Ф. Сысоев.

— Кому линолеум! Кому тюльпаны! А меня по боку! Я, выходит, отсталый?

— Уже, уже! — впрыгивая в кабинет кузнечиками, доложили энтузиасты.— Уже снята со стройки бригада и переброшена к вам на квартиру!

Успокоился товарищ Сысоев. Потеплел.

Но подвел, подкачал импортный товар — вздыбился, сгорбился и протерся. А до чего ж казался хорошим! Цветной. Ковровый. И, главное, не наш. Уж лучше б отдали товар в детсадик. Детишкам-то по буграм ползать даже интересно...

Эх, мода, мода! Ну кто тебя выдумал! Вот теперь и не знаешь, откуда ты идешь — издалека, через границу или, может, прямо из-под самого носа, из Кадиевки...

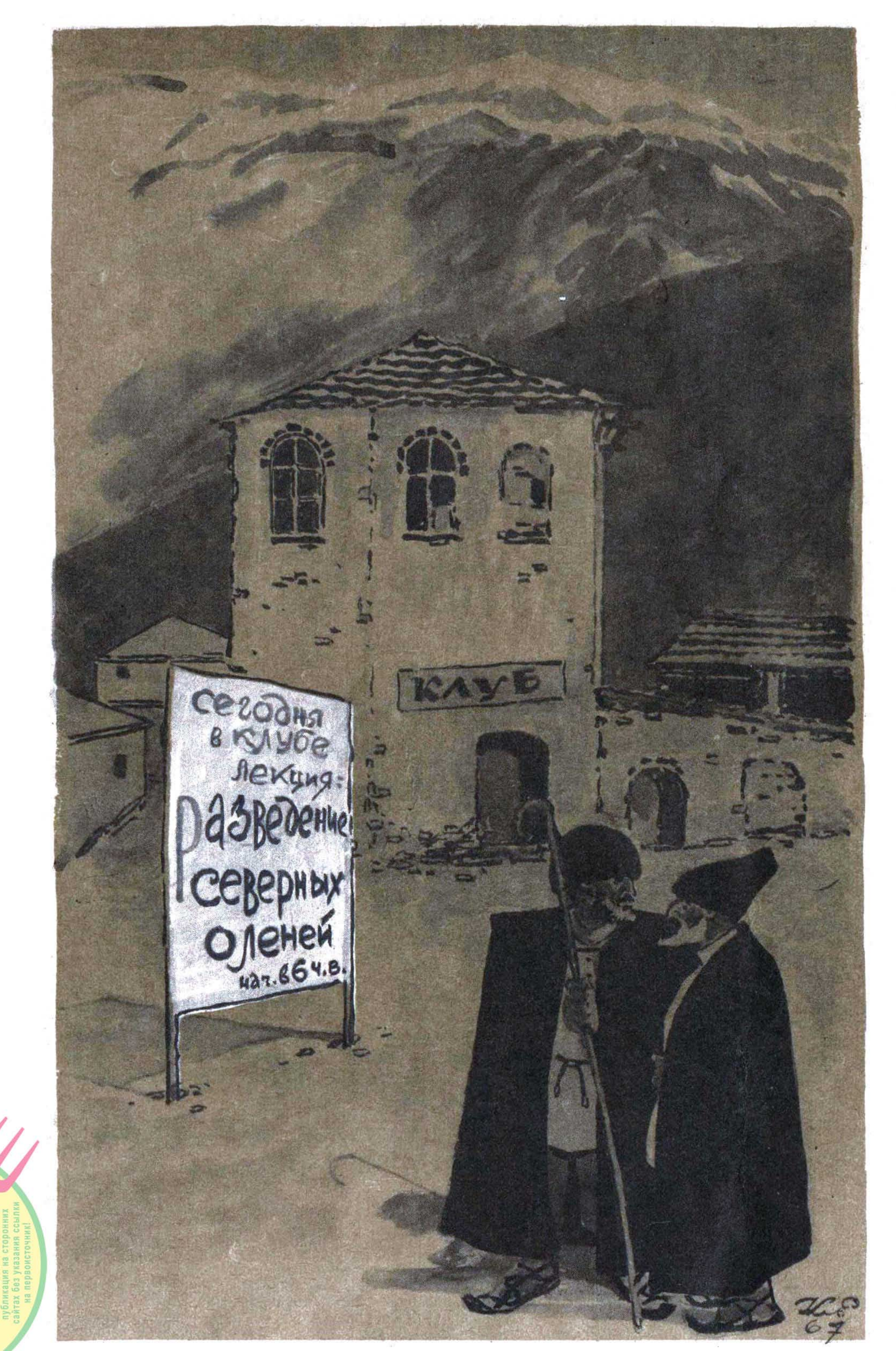
Когда автор этих строк покидал Кадиевку, по стенам квартир некоторых полезных лиц в спешном порядке разрисовывались тюльпаны. Ну, а где тюльпаны, там и полный ремонт.

Заказов было так много, что жилконтора явно не поспевала. Со строительства домов и культбытучреждений снимались и перебрасывались на внеплановый ремонт квартир лучшие строители и тонны высококачественных стройматериалов.

А тридцать процентов жилого фонда меж тем нуждается в срочном капитальном ремонте. Но до жилфонда очередь дойдет не скоро. Кто знает, когда тюльпаны выйдут из моды...

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

Луганская область.

— А теперь, как говорят французы, вернемся к нашим баранам!..

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА

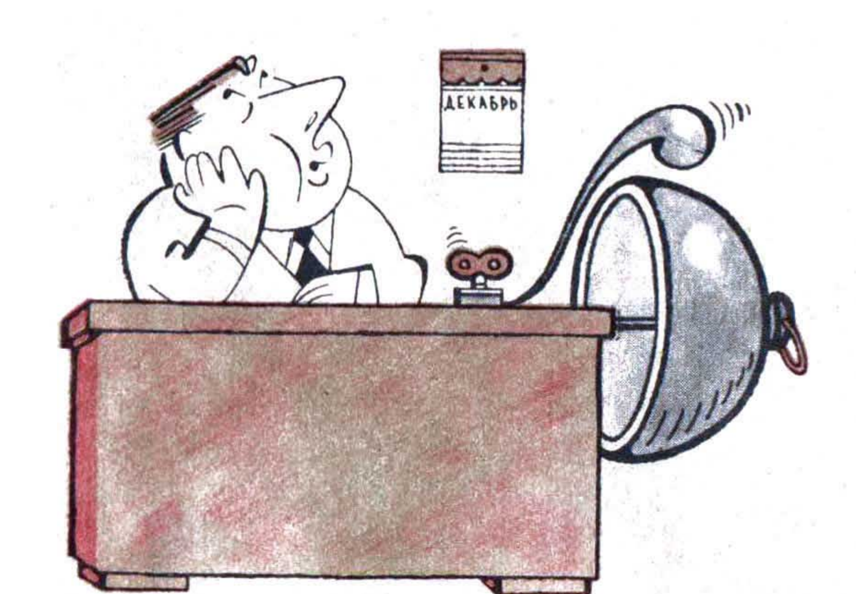
Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

СТО АНКЕТ—ОДИН ОТВЕТ

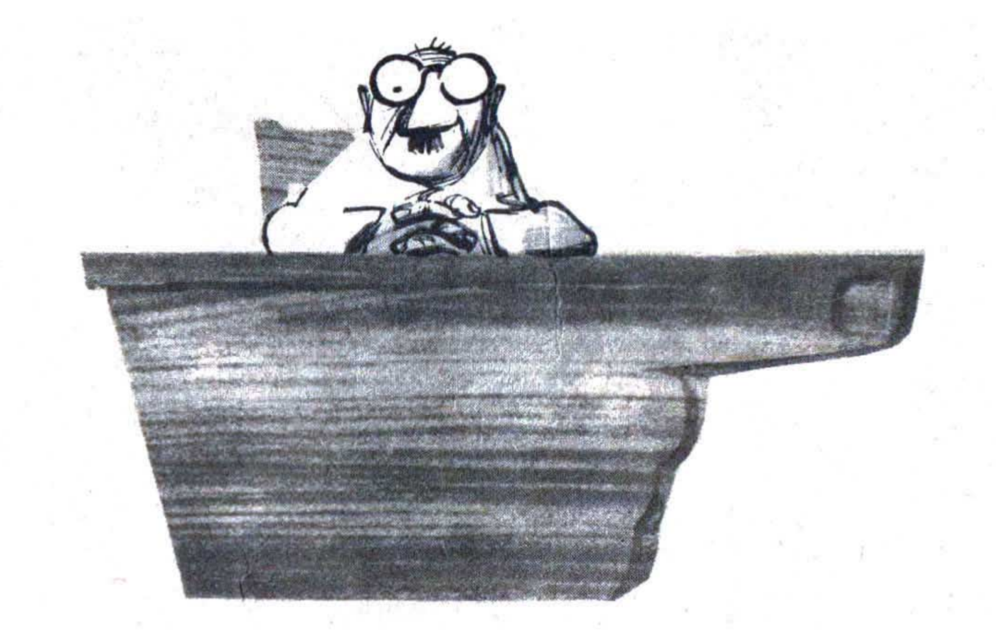
Вместо свежей утренней газеты
В ящике лежал большой пакет,
А в пакете — длинная анкета.
В ней почтамт просил нас дать ответ:
«В срок ли вам приносят «Комсомолку»?
Сколько писем вам приходит в год,
Сколько бандеролей
И на сколько
Был задержан срочный перевод?»
Второпях ответив на анкету,
Мы в метро на службу понеслись.
Кто-то нас схватил у турникета
И вручил большой опросный лист:
«Нужен ли вам новый эскалатор?
Если да, ответьте, почему.
Вместе ли живете с вашим братом?
Если нет, как ездите к нему?»
Над листом полдня мы просидели,
В перерыв отправились в буфет,
Только вместо порции сарделек
Дали нам две порции анкет:
«Сколько раз едите в среднем в сутки?
Поваром довольны или нет?
Сильно ль отразился на желудке
Наш последний комплексный обед?»
Что ж, закусим дома! К сожаленью,
Пообедать дома не пришлось —
Институт общественного мненья
Нам прислал развернутый запрос:
«Любите ли вы свою работу?
Ловите ли рыбу в выходной?
С кем в кино вы ходите в субботу?
Подчеркните — с другом иль с женой».
А когда смыкаться стали веки
И погас в соседних окнах свет,
Вдруг курьер из райбиблиотеки
Притащил увесистый пакет:
«Кто вам ближе — Бровка или Кафка,
Вознесенский или Вальтер Скотт?
Сколько раз вы были в книжной лавке?
Сколько книг прочли за этот год?»
Мы недолго бились над ответом,
В пять минут придумали его:
«Целый год читали мы анкеты,
Больше не успели ничего!»

СТОЛЫ ДЛЯ...

Рисунки М. ВАЙСБОРДА, А. ГРУНИНА, Г. ИОРША, Б. САВКОВА, В. СОЛОВЬЕВА

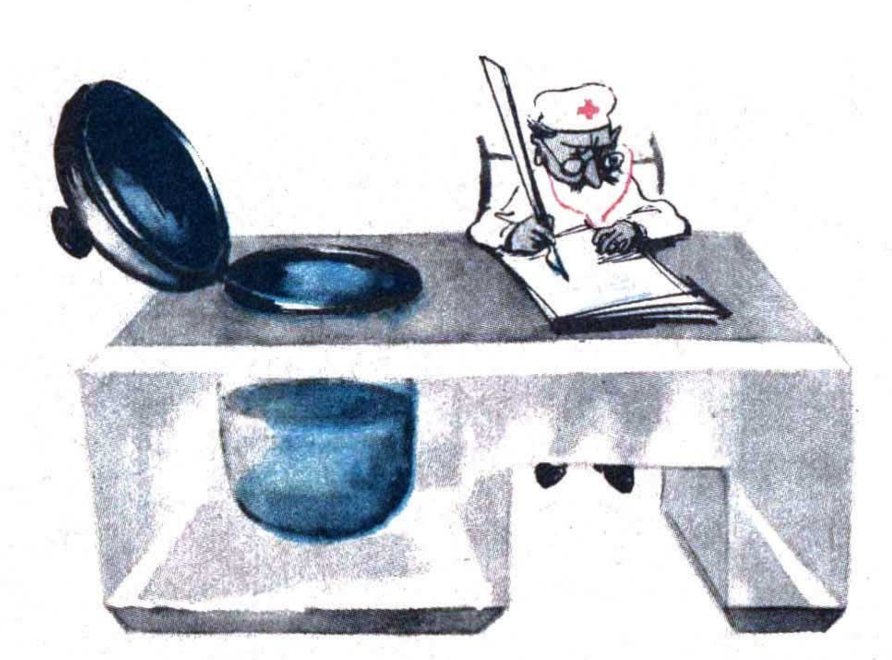
авральщика.

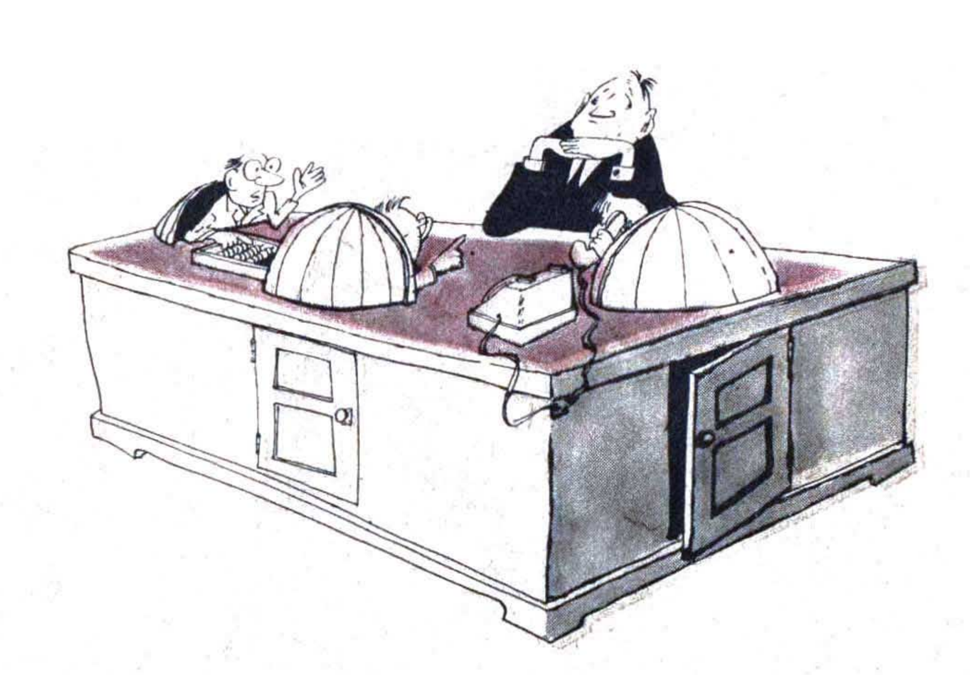
бюрократа.

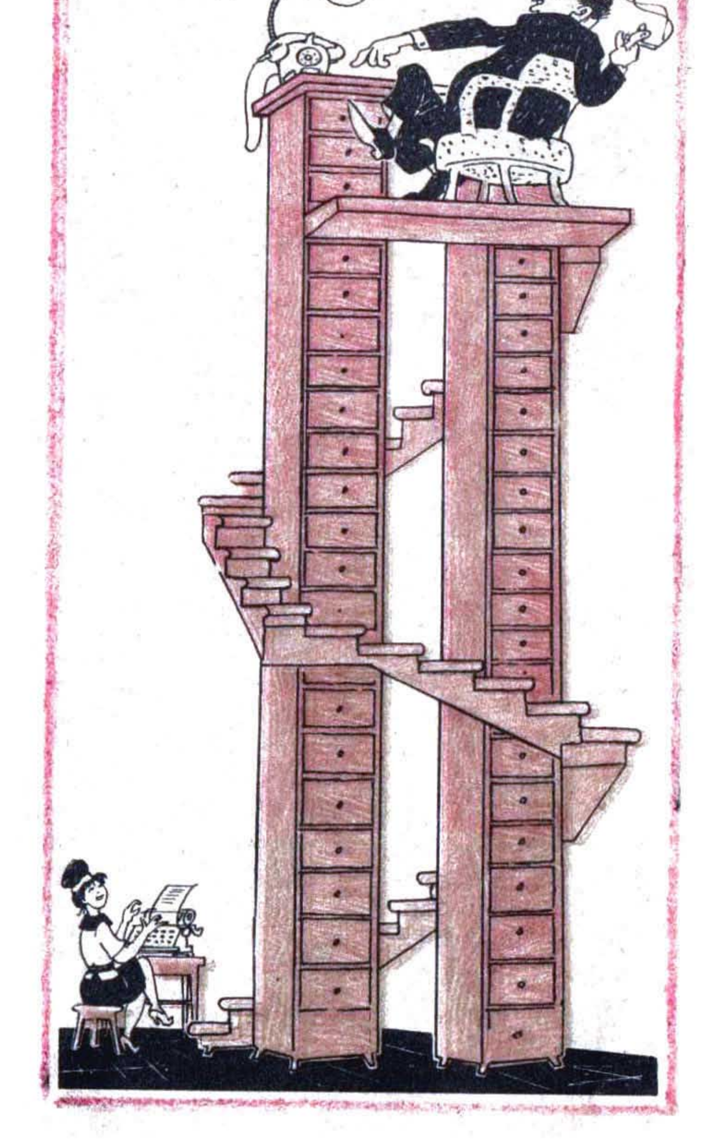
вельможи.

врача.

перестраховщика.

карьериста.

НАДО ЖДАТЬ...

Рассказав о значении музыки в жизни подростка, директор радомышльской музыкальной школы-семилетки В. Москаленко обратил тоскливый взор к детям, изъявившим желание играть на домре.

— Надо иметь много костюмов, чтобы играть на домре,— сказал директор. — Во всяком случае, пять или шесть. Пока один в химчистке, в другом играете.

«Странный какой директор,— думали ребята, идя домой по заснеженному городу Радомышлю.— И при чем здесь костюмы?»

Они и не ведали, что их ждет.

А ждали их домры производства Шиховской музфабрики Московской области. Вместо лака они были покрыты сажей. Нет, наверное, лака у Шиховской фабрики. Зато сажа — в избытке.

И, конечно же, на другой день мамы не узнали своих детей. Вместо них домой пришли маленькие мавры.

Но скоро все будет в порядке. Ребята подсчитали, что за одно занятие слой сажи на домре истончается на 0,01 миллиметра. Значит, через девяносто девять занятий домры засверкают первозданной древесной свежестью. Значит, надо ждать...

Л. АТРАШЕНКО

ЖАЛОБА

Я женат. У меня есть Вовка. Ему полгода.

У меня нет магнитофона, чтобы записать Вовкино «Ма-ма!». У жены нет швейной машины, чтобы сшить Вовке кое-что из туалета. У Вовки нет коляски.

Однажды я взял паспорт, жену, Вовку, и мы пошли в ателье проката.

Пришли. Где-то за фикусом в углу сидит тетя и, сладко зевая, вяжет платок. Из белой шерсти.

— Скажите, пожалуйста, магнитофон есть?

— Простите, нет.

— А швейная машина?

— Извините, нет.

— А... коляска?

— Какая?

— Детская.

— Прошу прощения, весной отдали, одна у нас была.

— А... — я начал злиться,— стиральная машина у вас есть?

— Мне очень жаль, но она сломана.

— А жалобная книга? — злобно спросил я.

— Есть. Вот возьмите, пожалуйста.

Тетя так и не вышла из себя.

Я взял авторучку и начертал:

«Удивлен и восхищен выдержкой, самообладанием и отзывчивостью работницы ателье тов. N. Заодно от имени клиентов ателье проката выношу строгий выговор с последним предупреждением руководству комбината бытового обслуживания».

И расписался.

С. СИНИЧКИН

г. Туапсе.

ВООБРАЗИТЕ СУТАЖ...

— Будьте бдительны,— предупредили меня в поезде,— берегите пуговицы, когда приедете в поселок Боровой.

— А что? — полюбопытствовал я.— Их могут того?.. Там бродят в поисках добычи коллекционеры пуговиц?

— Никто не бродит там,— сказал мне собеседник.— Просто там живут странные люди. Они любят красивые пуговицы.

Пыхтел паровоз. За окном вагона мелькали столетние елочки. Прыгали зайцы.

В Боровой прибыли затемно. Я вышел из вагона и опасливо оглянулся. От станции отделились две тени. Они приближались. Руки мои инстинктивно потянулись к пуговицам.

— Вы парикмахер? — спросила одна тень женским голосом.

Я сказал, что я не парикмахер. Тени вздохнули и скрылись в темноте.

На другой день я узнал, что в Боровом действительно живут странные, непостижимые люди. Им нужны красивые пуговицы. Эти красивые пуговицы они мечтают пришить к красивому платью. Затем красиво и модно отделать платье. Мало того, они утверждают, что прическа тоже должна быть красивой и модной. А для этого, считают они, необходим парикмахер. Периодически они звонят в районный центр, в городок Кирс, и стыдливо делятся с и. о. директора райбыткомбината Помаскиной своими сокровенными желаниями: постричь волосы, сделать прическу. Серафима Владимировна сочувственно вздыхает и дает слово прислать парикмахера ближайшим поездом. Вот и дежурят у станции жаждущие красоты.

Вообще Серафима Владимировна популярна в Боровом. Ее знают все четыре тысячи жителей поселка. Вспоминают о ней всякий раз, когда заходят в здешнюю швейную мастерскую — филиал райбыткомбината. С замиранием сердца листают они журналы мод, мысленно примеряя платья и костюмы. Они видят себя в этих, пока что только нарисованных туалетах и тайно любуются собой... Затем они возвращаются в суровую действительность: идут в примерочную. Здесь они тихонько вскрикивают и пугливо пятятся от зеркала.

— Ничего,— успокаивает мастер,— вот здесь представьте себе отделочку из гипюра. Гипюра у нас нет, но он освежает. А вот здесь вообразите шнурки для отделки — сутаж. У нас его тоже нет, но выходит недурно, а? А если вы достанете где-нибудь приличные пуговицы, то будет совсем превосходно! (Мой попутчик оказался прав: будьто бдительны, приезжающие в Боровой! Берегите пуговицы!)

Мастер входит в раж. Он действует на воображение заказчика. Он просит представить, что платье сшито не из той вульгарной, вышедшей из моды материи, которой завалена мастерская, а из современной ткани. И что на нем совсем другая отделка. И фасон другой... Заказчик приободряется: платье и в самом деле недурно. Надо лишь каплю фантазии.

Жители Борового ценят фантазию. Она помогает им нарисовать необыкновенную картину: то, чего нет в швейной мастерской, есть в их орсовском магазине. Приобретая старомодные громоздкие диваны, они мечтают об удобной и изящной тахте.

— Это еще что! — признался мне начальник орса Кокарев.— Они и о торшерах говорят! И о креслах! И о коврах! А на праздники, понимаете, вместо водки шампанского хотят. Чтобы играло и пенилось. Каково, а?

— Но это все естественно. Эстетика быта.

— Какая тут эстетика! Ведь это не Москва. И даже не Киров. Это поселок Боровой. Вот если б селедки у нас не было,— тогда другое дело. Тут бы «Крокодилу» не грех вмешаться...

Для продолжения разговора о быте я поехал в Кирс к Серафиме Владимировне Помаскиной. Она выслушала меня, затем прикрыла дверь и спросила шепотом:

— Ну, быт — это быт... А вы, если не секрет, по какому делу приехали? Что там, в Боровом, растрата?

— Нет.

— Директор грубиян?

— Да нет...

— Взятки берут?

— Не знаю. Не слышал...

— Но ведь вы из Москвы. Из «Крокодила». Зачем же вы тогда приехали?

Я снова стал терпеливо объяснять, что хоть люди и живут в поселке, вокруг которого лес, все равно они хотят красиво и модно одеваться, быть причесанными, иметь современную мебель и поднимать на праздники бокалы с шампанским. Чтобы играло и пенилось...

Серафима Владимировна смотрела на меня и тонко улыбалась. Не проведете, дескать. Кто это поедет из-за таких пустяков!

— Наверное, хищение...— озадаченно пробормотала она.

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Кирский район, Кировской области.

— Вы, Леночка, садитесь на приемку, а ты, Федя, на выдачу.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ПОД ГОРЯЧУЮ РУКУ

Ужасно раздражен был в тот день мастер ОТК 9-го Московского механического завода Николаев. Сейчас уже трудно припомнить, чем именно, но что-то его взвинтило. Сами знаете, что в таком состоянии человеку лучше не попадаться под горячую руку.

А тут, как назло, приносят от начальства бумагу — письмо гр-на Б. Жармагамбетова из Алма-Аты. Автор письма учтиво и смиренно сообщает, что приобрел портативную газовую плитку этого завода, а пользоваться ею не может, поскольку не в порядке капсула. И бракованная капсула к письму приложена. И на письме — не менее вежливая резолюция начальства: «Пожалуйста, вышлите адресату 2 капсулы».

— Деликатные все какие!— скрипнул зубами Николаев.— Тут своей нервотрепки хватает, а они мне еще рабочий процесс стопорят! Ух, держите меня! Разорвусь от злости!

Разорваться мастеру ОТК не удалось, но адресату он все же отомстил. Послал ему его же письмо с таким ответом на оборотной стороне: «Уважаемый товарищ Жармагамбетов!

Высылаем Вам два капсюля, дабы Вы не умерли с голоду, а вообще они продаются в магазинах.

С уважением,
Николаев».

Вот, собственно, и весь инцидент. Если не считать того, что капсул гр-н Жармагамбетов все-таки не получил. Конверт, в каковом они должны были быть, оказался разорванным. Но это уже к делу не относится. Это, наверное, уже на почте кто-то понервничал. И конверт тоже попал под чью-то горячую руку...

Мораль для гр. гр. покупателей: не забывайте, что и тем, кто вас обслуживает, ничто человеческое не чуждо.

А. В.

— В конце концов, чего не сделаешь ради удобства новоселов!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

ОДЕССКОЕ ВРЕМЯ

В гостинице «Аркадия» висит объявление: «Буфет работает с 8.00 до 10.00». В 7.55 я был у дверей первым. В 8.10 собралась очередь. В 8.15 стоявшие в очереди тихо, а потом громко начали стучать. Открылась дверь. Буфетчица закричала на очередь: «Чего стучите? Буфет работает с восьми!» И захлопнула дверь.

Я спустился на первый этаж к почте. В окошечке висело объявление: «Почта работает с 8.00». Спросил у администратора гостиницы: «Почему не работает почта?»

— Почта работает с восьми.

Поблагодарив за это сообщение, я напомнил, что уже 8.20.

— А?! — получил в ответ. На этом разговор окончился.

В 14.55 на шестой станции Большого Фонтана в витрине овощного ларька я увидел бананы. Рядом — объявление: «Перерыв с 14.00 до 15.00». Ни в 15.00, ни в 15.05 ларек не открылся. В 15.10 нетерпеливые покупатели отправились на поиски пропавшей продавщицы. Она оказалась в соседнем магазине. В 15.15 с криком: «Они мине нужны, эти ваши овощи, я их сто лет имела в виду» и т. д. она явилась и начала торговлю. Я купил бананы.

Вечером я рассказал своим знакомым-одесситам об одесской «пунктуальности».

— Вы же наивный человек. В Одессе свое, одесское время. Приезжим надо к этому привыкать.

И я стал привыкать. Прибавлял 10—15 минут к тому, что было в объявлениях, и всюду стал приходить вовремя.

Наступило время уезжать из гостеприимной и веселой Одессы. К поезду я пришел всего на одну минуту позже. Но увы и ах! Железная дорога даже в Одессе работает точно по московскому времени.

Я опоздал на поезд.

И. КАЦ

г. Кривой Рог.

НИ В ЧУДОВЕ, НИ В ЛЮБАНИ

В поэме А. Твардовского «Василий Теркин» есть такие строчки:

«— Вот беда: во всей колонне
Завалящей нет гармони,
А мороз — ни стать ни
сесть...
Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг: — Гармонь-то
есть.»

Ты обратил внимание, дорогой Крокодил, на слова «перчатки», «гармонь». И это в условиях войны. Я сам работал шофером, и на руках у меня были меховые рукавицы. Так о нас заботились люди тыла. В знак благодарности о них тогда слагали песни:

«Или в Чудове, или в
Любани
Не ложилися девушки спать,
Они варежек много вязали,
Чтоб на фронт их потом
отослать...»

Ну, а сейчас, спустя двадцать с лишним лет после войны, как дела с варежками? Плохо. Даже очень. С самой осени в торгующие организации нашего города не поступило ни одной рукавицы. Что случилось с легкой промышленностью?

Я все же думаю выйти из пикового положения. Возьму да напишу или в Чудово, или в Любань. Пусть там свяжут мне перчатки или на худой конец варежки. Другого выхода нет.

Н. АБРАМОВ

г. Донской,
Тульской области.

«ДАДЗИСУ»—10 лет

Что такое «Dadzis»? По-латышски это «чертополох». Так называется колючее растение, растущее в Риге с января 1957 года и расцветающее дважды в месяц 69-тысячным тиражом.

Десятилетие «Дадзиса» — своеобразный рекорд в истории латышской сатиры. Ни один из ранее издававшихся сатирических журналов не просуществовал более двух-трех лет. А их было немало — около семидесяти. Но не все они, разумеется, входят в родословную «Дадзиса».

Родословная эта начинается в 1862 году выходом в Петербурге (чтобы обойти местную рижскую цензуру) газеты «Петербургас Авизес» с сатирическим приложением «Зобгалс» («Насмешник»), который едко высмеивал черных баронов — прибалтийских немецких феодалов и серых баронов — латышских богатеев, поддерживавших угнетателей.

Затем появились прогрессивные сатирические сборники «Дундури» («Оводы»). В одном из них активно сотрудничал студент Ян Плиекшан — будущий народный поэт Латвии Ян Райнис.

Бурное время революции 1905 года в латышской сатире отмечено журналами «Рикстес» («Розги»), «Кериенс» («Хватка»), «Спериенс» («Удар»), «Периенс» («Порка») и др. Большинство из них было запрещено царской цензурой после выхода первого же номера.

Большое влияние на развитие латышской прогрессивной сатиры оказали календари «Вирпули» («Вихри»), вышедшие в 1907 и 1908 годах. Основным сотрудником их был Ян Райнис.

В 1912 году начинает выходить журнал под названием «Дадзис». Хотя это сатирическое растение не отличалось остротой своих колючек, но и оно вскоре было выполото цензурой.

В родословной «Дадзиса» числятся также «Календари Красного Дадзиса», выходившие в Москве в двадцатых годах, и один журнал на русском языке — это «Рижский крокодил», который издавался в Риге в первый год после восстановления Советской власти в Латвии.

К родственникам «Дадзиса» следует отнести «Аса Слота» — сатирическое приложение к молодежной газете «Падомью Яунатне», выходящее с 1948 года по сей день.

А в январе 1957 года вышел в свет тиражом 60 тысяч экземпляров первый номер «Дадзиса».

О том, чтобы «Дадзис» не засох на корню, а, наоборот, был крепким, с длинными и острыми иголками, чтобы на эти иглы накалывались тунеядцы и лодыри, хулиганы и пустозвоны, любители переливать из пустого в порожнее, все враги Советской власти,— обо всем этом заботится большая бригада опытных садовников — около сорока сатириков и юмористов «Дадзиса».

Читатели вправе спросить, почему сатирический журнал назван именем сорняка. Охотно отвечаем: отваром этого колючего растения народная медицина лечит всякого рода зловредные опухоли. В конце концов это не так уж плохо!..

И. ПАЛКОВ,
главный редактор журнала «Дадзис»

г. Рига.

Миермилис СТЕЙГА

КРИТИКА

— Вы, товарищ председатель, грубы и черствы! — в сердцах выпалил бухгалтер.

— Верно! — присоединилась экономистка.— Вы несправедливы, капризны и совершенно не переносите критику снизу.

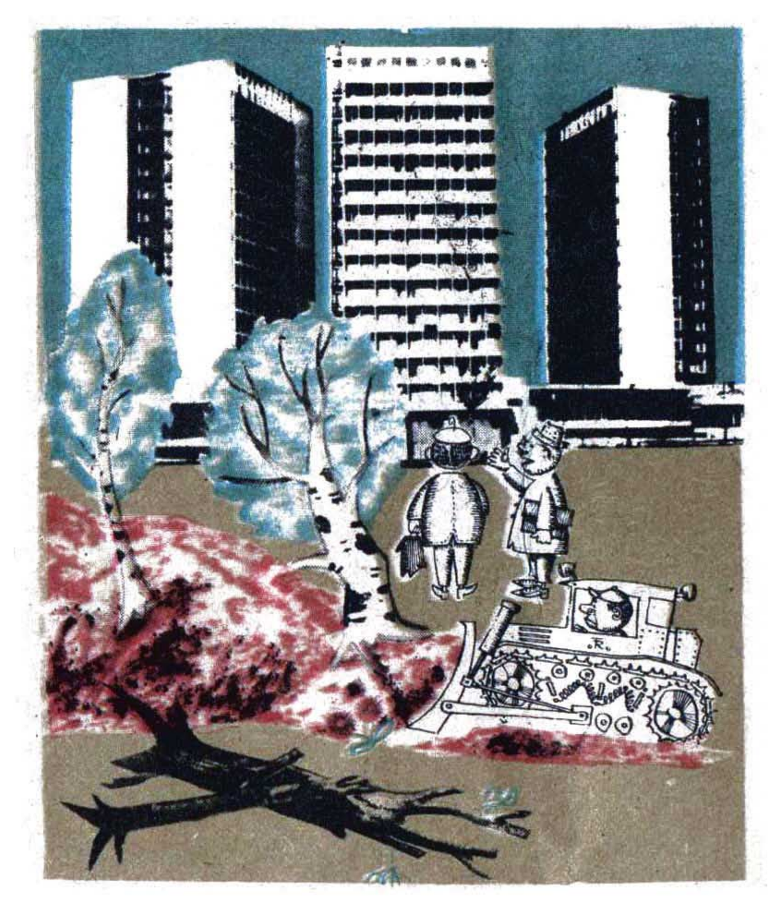
— «Не переносит» — очень мягко сказано,— вступила в разговор уборщица.— Как вы, товарищи, думаете, за что он тогда изгнал Квепулиса? За критику, за откровенность! А Циетулиса? За то, что тот терпеть не мог подхалимов.

— Ваша правда, дорогие товарищи! — грузно поднялся председатель.— Я уже и сам чувствовал, что мое поведение в коллективе становится нетерпимым. Микробы бюрократизма впились в мою душу, словно клещи. Критика, товарищи, одна лишь критика может меня спасти! Обещаю радикально изменить стиль работы.

— Ладно,— миролюбиво сказал член месткома.— Простим на сей раз. Но смотри, чтобы впредь подобные вещи не повторялись!

Председатель смиренно склонил голову. Старенькая уборщица, расчувствовавшись, утирала слезы.

Занавес упал. Спектакль окончился. Зрители расходились довольные.

— Кажется, пора приступать к озеленению!

Рисунок Р. ТИЛЬБЕРГА

И. СТРУПУЛИС

Заколдованные штаны

— Как, опять они вернулись: с досадой сказал директор фабрики, когда ему принесли хлопчатобумажные штаны.— Ну, до чего же разборчивый народ!

Директор злобно потряс отвергнутым покупателями одеянием, словно желая стряхнуть все изъяны. Но одна штанина по-прежнему оставалась широкой, как фата невесты, другая — узенькой, словно горлышко бутылки.

— Не надо волноваться,— сказал заведующий складом готовой продукции Грабслис,— отутюжим и отправим на выставку-продажу. Авось, в сутолоке кто-нибудь купит.

— Уже отправляли. Все напрасно.

— А что, если их красиво упаковать и передать магазину подарков? Для рекламы можно подбросить парочку нейлоновых подтяжек или капроновый галстук.

— Нет-нет... Ага! — сказал директор.— Сплавим их в деревенские магазины. Сельчане сунут эти штанины-недомерки в сапоги, и делу конец.

Однако и этот замысел не удался. Недели две спустя товар, забракованный сельским потребителем, вновь вернулся на фабрику. И вновь здесь судили-рядили, как избавиться от заколдованных штанов.

Очередное предложение изобретательного Грабслиса сводилось к тому, чтобы срезать проклятые штанины, а оставшуюся часть продавать туристам как шорты.

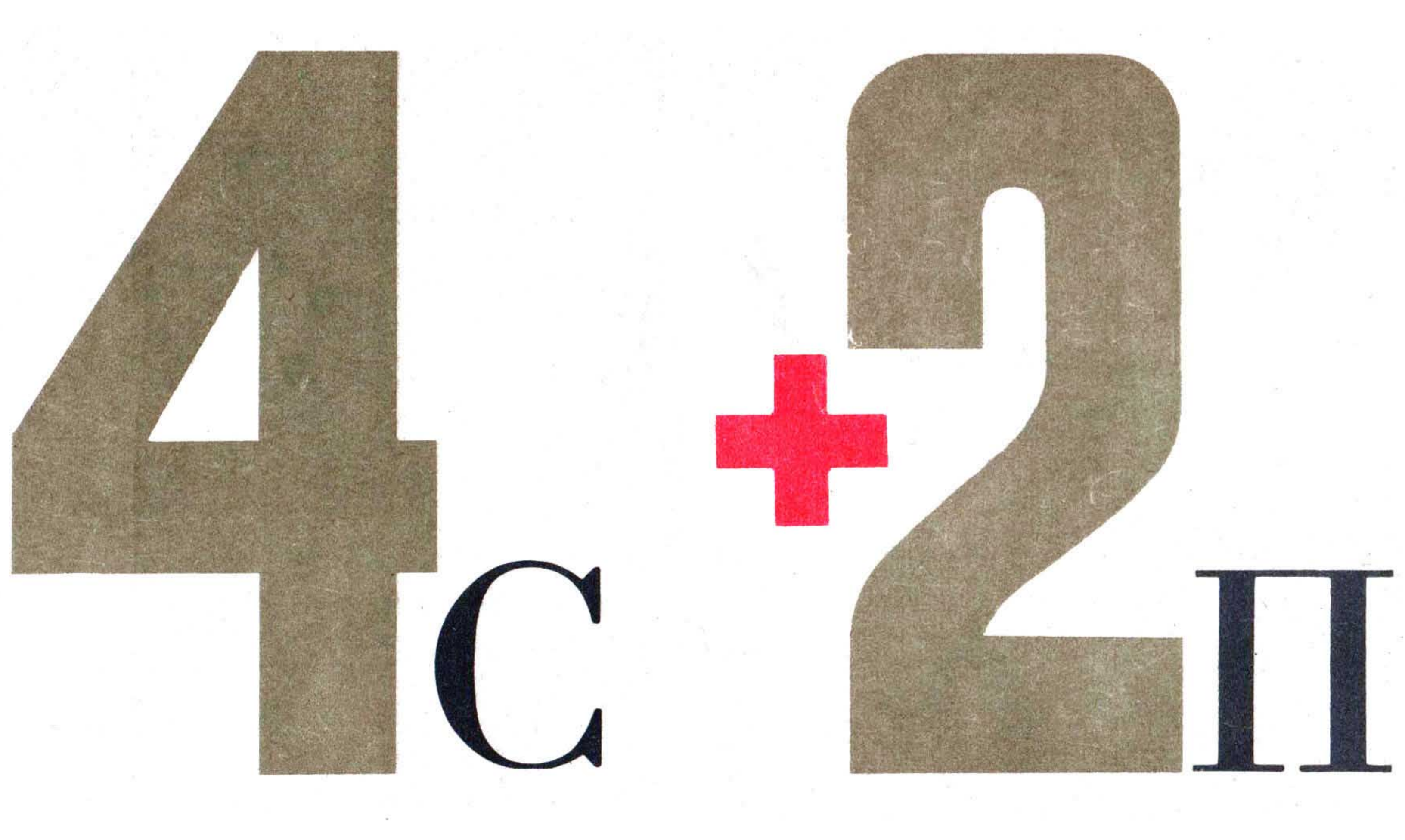
— Резать нельзя! — сказал директор.— Я не могу пойти на самовольное изменение государственного стандарта!

Счастье пришло нежданно-негаданно. Однажды в кабинет ворвался завскладом.

— Слава богу! — вскричал он ликующим голосом.— Благодетели... тьфу!.. злодеи прошлой ночью взломали склад. И наших штанов как не бывало! Только не звоните в милицию...

Назавтра вор в отчаянии сам сдался в руки дружинникам.

— Ну и грубятина,— брезгливо сказал он.— Была бы хоть шерсть настоящая...

Почтово-телеграфная связь Белгорода с Москвой работала с чувствительной перегрузкой. Из областных организаций в республиканское министерство автомобильного транспорта и шоссейных дорог неслись слезные просьбы. Следом летели положительные характеристики. Им вдогонку мчались убедительные ходатайства. И все об одном:

— Назначайте Черкашина начальником грузовой автостанции! Это очень достойная единица!

К хору белгородцев присоединились солисты из Орла, где находится межобластное управление грузовых перевозок:

— Поддерживаем! Ходатайствуем!

В Москве не на шутку забеспокоились.

— А вдруг Черкашин заартачится и не пожелает сесть на такую должность? По характеристикам он в самый раз на руководителя главка подходит.

И, все еще слабо веря в успех, министерство запросило Черкашина о его личном согласии. Пока ждали из Белгорода ответ, основательно поволновались. Успокоились только после получения телеграммы от Черкашина: «Согласен».

Вздох облегчения выпорхнул также из окон Орловского межобластного автоуправления. Но глубже всех вздохнули в Белгороде:

— Теперь станционные дела покатятся, как на шарикоподшипниках!

Дела станции действительно сразу же покатились, но куда?

Если до прихода Д. М. Черкашина автостанция, не мудрствуя лукаво, занималась перевозкой народнохозяйственных грузов, то при новом начальнике профиль ее деятельности значительно изменился. Кое-что из того, чего требовало делать министерство, Черкашин отложил до других времен. И наоборот, с прилежанием занялся делами, какими заниматься категорически запрещалось. «Положительная персона» в ущерб государственному плану пристрастилась к «левым» работам, появились приписки к отчетам, нарушения финансовой дисциплины, использование служебного положения в личных целях.

Об этой стороне деятельности Д. М. Черкашина лучше всего свидетельствует его послужной список, особенно тот его раздел, куда заносятся поощрения и взыскания. Правда, поощрений у начальника Белгородской автостанции в том списке нет. Зато взысканий целый кузов. Есть взыскания городского, областного и межобластного масштаба, есть взыскания от партийных и советских организаций, от органов государственного контроля, от вышестоящих начальников. Калибры взысканий тоже разнообразны: тут и предупреждения, выговоры простые и строгие, и предупреждения о служебном несоответствии, и решения о передаче материалов в следственные органы.

А совсем недавно наша редакция получила из Белгорода запрос: «Распространяется ли Устав партии на Черкашина или означенная единица персонально освобождена от выполнения уставных обязанностей?»

Нам еще не были известны случаи, чтобы кто-то из членов партии жил по персональному уставу. Но белгородцы уверяли, что Черкашин живет именно так.

«Он заставляет подчиненных сажать и убирать картошку,— писали нам,— ремонтировать под соленья бочкотару, рубить и квасить капусту, сушить фрукты для компотов. Казенную «Волгу» превратил в личную, она обслуживает поголовно всех домочадцев. Да и выпить тоже искусный мастер...»

По заданию редакции я выехал в Белгород. Никакого льготного освобождения от выполнения уставных требований Черкашин мне не предъявил.

— Это по своей собственной инициативе подчиненные сажали у меня картошку,— пояснил Д. М. Черкашин.— И капусту квасили тоже по своему благородному порыву... и ядохимикатами сад обрабатывали... и все прочее. Мои подчиненные очень сознательные, страсть как меня уважают!

— А машина?

— Машину вместе с шофером держу на глазах для того, чтобы сохранить народное достояние от посягательств злоумышленников. Штука важная, за ней нужен глаз да глаз!..

...Сейчас трудно судить, кто первым открыл калитку и пропустил козла в капустный огород. На характеристиках и просьбах о назначении Черкашина стоят размашистые подписи уважаемых руководителей солидных областных организаций.

Читаешь эти характеристики, и создается впечатление, что все они писались по формуле 4С + 2П, где отправными данными были четыре стены, пол да потолок. А ведь Черкашин пришел в Белгород не из тридесятого государства. До Белгорода он долгое время работал в городе Шебекино, неподалеку от областного центра. Шебекинские товарищи могли бы рассказать белгородским, что Черкашина никак нельзя упрекнуть в элементарной порядочности, о нем никто не скажет, что в моральном отношении он чист, как стеклышко.

Впрочем, белгородцам и в Шебекино незачем было ехать. В самом Белгороде, в том числе и в обкоме, есть товарищи, которые раньше работали в Шебекине. Но они не прихлопнули перед козлом огородную калитку.

Выходит, многие в Белгороде были хорошо знакомы с деловыми и моральными качествами Д. М. Черкашина. А писали его портрет почему-то не с натуры, а по уже известной нам формуле 4С + 2П. Выходит, видели одно, а писали совсем другое.

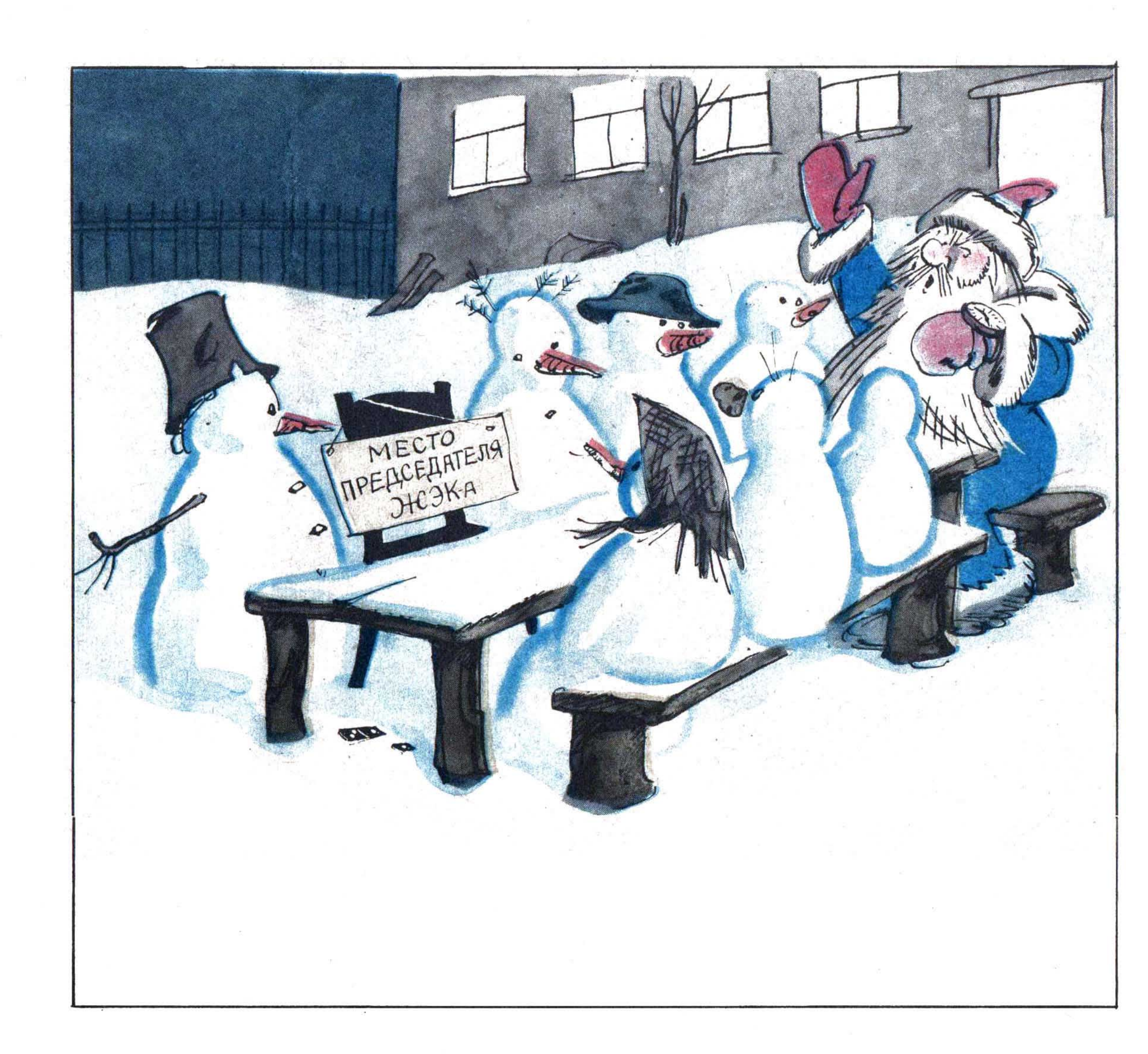
И. КОСТЮКОВ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Белгород.

— Папа мне поручил сказать, что мы играем в лошадки!

Рисунок М. БИТНОГО

— Начинаем заседание об организации досуга детей!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Смотр «боевых сил» контрреволюции.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

НА КУРОРТЕ
Крестьянин: — А кто здесь раньше помещался?
Санитар: — Придворные... Царский двор!
Крестьянин: — Такой большой двор? Сколько же тут было скотины!

Рисунок И. МАЛЮТИНА
«Лапоть» № 14, 1925 г.

КАК БУРЖУИ БОЛЬШЕВИКА ХОРОНИЛИ

Это было в ноябре,
Ночью пасмурной и темной,
У буржуя на дворе
Был назначен съезд
огромный.

То и дело из карет
Выползали на свет чинно
То помещик, то кадет,
То какой-нибудь купчина.

По ту сторону ворот
Журналист из черной «Речи»
Вел на задний двор господ
И вручал с поклоном свечи.

Там устроен был алтарь.
А немного вбок — могила.
Оборонец-пономарь
Раздувал, кряхтя, кадило.
А селянский поп Чернов,
Гладя куцую бородку,
В ожидании блинов
Драл простуженную глотку:
«Со святыми упокой,
Гробовой покрой доской
Большевицкие Советы,
Большевицкие заветы.
Господи!
С высоты их сковырни,
В черной яме схорони;
Пусть лишат их полномочий
И крестьянин и рабочий,
Господи!»
Так орал селянский поп,
А почтеннейшая свора
Землю сыпала на гроб,
Завывая вместо хора:
«Со святыми упокой,
Был покойничек такой:
С беднотою деревенской
Шел войной на кулака,
Помешал ему Керенский,
Дал Керенскому пинка,
А теперь страною правит,
Бедноту нещадно давит,
Господи!»
Отпевали, отпевали,
Гроб порожний закрывали.
А мертвец (ведь экой нрав!)
До сих пор и жив и здрав:
Богачей нещадно давит
И свободной Русью правит!

КРАСНЫЙ ПЕТУХ.

«Красный дьявол», № 4, 1918 г.

У МОГИЛЫ МАРКСА

— Чья это могила, папочка?
— Карла Маркса, деточка.
— А кто это Карл Маркс?
— Это... наша могила.

Рисунок Л. БРОДАТЫ

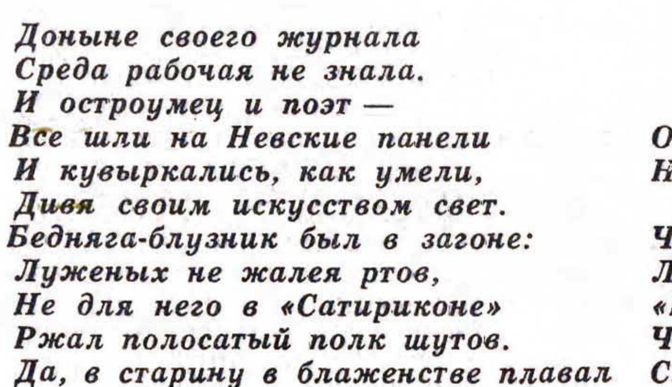
«Красный перец», № 4, 1923 г.

Дед: — В некотором царстве, в нашем государстве жил да был когда-то вольно и богато гладкий, как подлещик, господин помещик. Сладко пил и сладко ел, всею волостью владел, разъезжал на паре — назывался барин!
Внук: — Дед, а что такое — барин - помещик? Объясни!..

Рисунок И. МАЛЮТИНА

«Лапоть», № 2, 1924 г.

Песня Красного Дьявола

Доныне своего журнала
Среда рабочая не знала.
И остроумец и поэт —
Все шли на Невские панели
И кувыркались, как умели,
Дивя своим искусством свет.
Бедняга-блузник был в загоне:
Луженых не жалея ртов,
Не для него в «Сатириконе»
Ржал полосатый полк шутов.
Да, в старину в блаженстве плавал
Один господствующий класс.
Но вот явился «Красный дьявол»:
Я вас!!
Чу! балаганное изданье
Лепечет что-то в оправданье:
«Всему виной цензурный гнет,
Что нам препятствовал сердито
Служить свободно и открыто
Тебе, возлюбленный народ!»
Цензурный гнет?.. Да неужели?!.
Лжецы!.. Давно свободен смех,
Но, как и прежде, на панели
Бульварно-балаганный цех!
Те ж и ужимки, и повадки,
И колпаки, и рой гримас:
Ржут и панелям чешут пятки...
Я вас!!
Доныне своего журнала
Среда рабочая не знала.
Но вот с октябрьскою грозою
И в чердаки ворвался свет!
Для пролетарского квартала
Точу веселых игл запас!..
Дрожите, слуги капитала,—
Я вас!!

«Красный дьявол», № 2, 1918 г.

ВЕСТИ С ТОГО СВЕТА

В одной из школ одной учительнице пришло на ум ознакомить учеников с лучшими образцами романтической поэзии.

Литературоведка выбрала для демонстрации жуткую балладу про епископа Гаттона. Написал балладу знаменитый англичанин Роберт Саути. Перевел ее на русский язык славный переводчик Василий Андреевич Жуковский. Оба — классики.

Ребята уткнули носы в книжки. Учительница с волнением следила за ними по своему экземпляру. Дрожь прошла у нее по телу, когда они добрались до леденящих душу строк, относящихся к прославленным саутиевским мышам:

«Зубы о камни они навострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...»

Учительница подняла глаза. На лицах ее питомцев было написано полнейшее недоумение...

— Кошечкин! — воззвала удивленная женщина к лучшему из учеников.— Тебе не понравилось? Почему?

— Вранье это! — с хмурой решительностью ответствовал Кошечкин, глядя в окно.

— Вранье? — ахнула литературоведка.— Но почему ты так думаешь?

— Как же мыши могут его съесть, когда он железный?

— Кто железный?

— Эпископ. Которым Николай Иваныч картинки на истории показывает...

Перед педагогом разверзлась бездна. Может быть, она наглядно увидела дистанцию между языком, на котором изъяснялись классики, и речью современных русских людей. Ее учеников поразил епископ, съеденный мышами. Василий Андреевич Жуковский развел бы руками, прочитав или услышав фразу: «В учительской на шкафу стояло два больших эпископа...»

Ах, уж эти классики, писавшие, не чета нам, на ясном, правильном русском языке! Возьмем хоть «Собрание сочинений» Антона Павловича Чехова — до чего классический язык, каждое слово понятно! Каждое?

Я открываю том 2-й, страницу 288-ю. Разговор идет о самых житейских делах.

«...Иван Васильевич Котлов вышел из ресторана... (с кем не бывает греха! — **Л. У.**) и поплелся (значит, перехватил немного.— **Л. У.**) вдоль по Никольской к Кремлю...»

Очень все понятно: хочет автор вывести на чистую воду некоторых отдельных выпивох. Современно и актуально. И вдруг:

«Около Кремля он нанял ночного Ваньку...»

Однако, товарищи... Легко допустить, что и тогда был смысл намекнуть: где выпивка — там бытовое разложение за углом. Но тогда не естественней ли было писателю обиняком указать, что вот, мол, повстречал гражданин Котлов на улице, мягко выражаясь, ночную Маню или там Сашеньку... Но Ванька-то, Ванька тут при чем?

И лишь с большим трудом читатель начинает прозревать истину:

«...Поглядишь на его заспанное толстокожее угреватое лицо и сразу определишь в нем извозчика...»

Вот теперь дошло! Мы и от слова «извозчик» давно отвыкли, а классики, оказывается, извозчиков Ваньками звали, приноравливаясь к понятиям тогдашней публики. Мол, «Эй, Ванька! Эй, конопатый, заспанный, толстокожий — мужик мужиком! А ну, прокати барина вокруг тумбы без поворота!»

Да, забыли мы такие слова, не понимаем их; и хорошо, что не понимаем. Это с того света слово, осиновый кол ему в могилу!

С работниками городского транспорта у классиков вообще как-то не все было продумано. Возьмите другой рассказ того же Чехова:

«...На быстром, как молния, лихаче вы подкатываете к подъезду, залитому светом».

Каково? На лихаче! А что же значит лихач?

Берем словарь, смотрим:

«Лихач — отличный извозчик, со щегольским экипажем и быстрым рысаком». Лихачи в те времена были у кутил на вес золота. Теперь не то. Теперь подойдет самый что ни на есть нетипичный, но еще встречающийся растратчик или очковтиратель к стоянке такси шатающейся походкой, но если шофер затормозит с ходу, с привизгом, он отмашку дает: «Э, нет, я — следующей машиной... Ты, видать, лихач, у тебя еще права отберут! А меня, браток, разговор с милицией не устраивает...»

Мир переменился, и слова тоже. Или слово осталось, а смысл, извиняюсь, иной. И когда его в старом употреблении услышишь, так и кажется: с того света весть дошла!

Ох, эти давно и недавно исчезнувшие слова старого мира! Одни из них, можно прямо сказать, издохли:

«Его высокопревосходительство, господин действительный статский советник Ершов проходил мимо монопольки, бормоча про себя слова сочиняемого им всеподданейшего ходатайства: «Припадая... припадая к обожаемым стопам Вашего Императорского Величества... имею смелость коленопреклоненно умолять моего Монарха...»

Вас тошнит? И меня тошнит! Вы понимаете? Ручаюсь, что разве только половину. А я — год рождения 1900-й — понимаю все.

Что такое монополька? Монополька — это казенка: лавчонка, где под злобно взирающим с вывески «Казенная продажа питей» двуглавым орлом царствовал внутри целовальник,— приказчик, «целовавший крест» в том, что он не будет разбавлять доверенную ему водку водой. А снаружи? Здесь из года в год, изо дня в день ломовые извозчики, молодцы из обжорных рядов, страшные оборванцы в лохмотьях на голом теле, молодецки буравили сургучными головками шкаликов штукатурку стен и, запрокинув головы, выливали в себя пахнущую сивухой жидкость. Иные уже валялись мертвыми телами на панели, иные горланили и ругались. И в голос выли доведенные до отчаяния жены, и плакали замерзающими на морозе слезами ребята... Вот это была монополька...

Издохли все эти мерзкие слова — туда им и дорога. Мы их убили.

Но были и другие слова: они тихо скончались. Просто потому, что их время прошло; ненавидеть их не за что, а о некоторых мы, старики, вспоминаем даже с меланхолической грустью.

Мимо тех же монополек пробегали с важностью на милых мордахах сосредоточенные приготовишки, с тюленьими ранцами за спиной, с лавровыми серебряными веточками на околышах форменных фуражек. Приготовишки — ученики приготовительных классов, младше первого. Их не дразнили так; их так звали всюду и везде, почти официально, но со снисходительной ласковостью.

Было такое слово и не стало его, просто потому, что не стало самых этих приготовительных классов.

Ходили по тем же панелям и то озабоченные, то веселые курсистки, гордые, вольнолюбивые девушки, боровшиеся за свою честную жизнь, но нередко отдававшие ее в борьбе за будущее счастье народа... Тоже как будто отличное было слово...

Да, но была и ложка дегтя в его меду!

Курсистками их звали потому, что на звание студенток у них не было права. Им не дозволено было учиться в институтах и университетах вместе с юношами-ровесниками. Они пробивали себе дорогу на Женских курсах, вот и были курсистками.

Пришел семнадцатый год. Пали все преграды и все препоны. Исчезли Женские курсы. И курсистки стали наконец советскими полноправными студентками...

Старое слово умерло, передав свой смысл новому, молодому. Но каждый из нас, седовласых ветеранов, вспоминает его тепло и приязненно: недаром видим мы курсисток на многих картинах русских художников, недаром в десятках романов и рассказов прошли носительницы этого звания светлыми образами героинь.

Разные были в том мире слова. Разная у них была жизнь, разная кончина: у одних — честная, у других — бесславная. Разную и весть они посылают нам из прошлого, с того света.

Лев УСПЕНСКИЙ

Представители Вашингтона распространяют версии об «ошибочных» бомбежках жилых кварталов вьетнамских городов.

— Осмелюсь доложить: трижды безошибочно ошибся при бомбежке Ханоя!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Когда рыдают эсэсовцы

Возьмем обыкновенного мордастого эсэсовца, того самого эсэсовца, который чудом вырвался из сталинградского котла и затем участвовал в глобальном драпе на запад.

Обмороженный, опухший, вшивый, он мчался в сторону фатерлянда, высекая пятками искры. В его давно не мытом, провонявшем теле душа трепыхалась, как поросячий хвостик. Потомок древних псов-рыцарей не добежал до дому. Его прошила автоматная очередь, он рухнул на негостеприимную землю и незамедлительно испустил тевтонский дух.

Как видите, в этом описании нет и грана фантастики. Даже сам редактор «Национальцайтунг унд зольдатенцайтунг» не сможет отказать нам в здоровом реализме. Фантастика начинается с того момента, когда мы берем бренные останки, оживляем их и переносим в город Ганновер.

И вот уже бывший эсэсовец входит в пивную, где собрались члены молодежных организаций «Викинги», «Фюрер», «Орлы», «Бунд хайматтройер югенд» и других неонацистских союзов. (Власти ФРГ отлично осведомлены о существовании этих фашистских юношеских банд, но делают вид, что «шалунишек» всего-навсего около пятисот душ. Однако печатный рупор юных наци «Дер нойе ауфбрух» исчисляет их в несколько тысяч.)

Так вот, эсэсовец в полной парадной форме входит в пивную, и все вскакивают с мест с вытянутыми руками и вопят «Хайль тебе!», что соответствует фашистскому «Зиг хайль!». Он садится на место, и кельнер приносит ему рюмку шнапса, литровую кружку пива, и его окружают молодые люди, так похожие на его былых сверстников из гитлерюгенда.

Воскресший эсэсовец долго таращит глаза, поскольку в его воспаленном мозгу все еще проносятся апокалипсические картины ужасного драпа. После пятой кружки он несколько приходит в себя и говорит:

— Клянусь Вотаном, я ничего не понимаю! Что происходит, и где я нахожусь?

И молодчики из «Викингов» поясняют ему, что он находится в истинно немецкой пивной, среди истинных немцев, жизненный девиз которых «Важнее всего Германия!».

— Господи, так это почти то же самое, что «Германия превыше всего»!

— Абсолютно то же самое. Мы станем солдатами и снова возвеличим Германию. Немцы, как учит нас наш фюрер Хайнц Лембке, должны быть солдатами, выносливыми и твердыми!

— Верно, ребята! Точно так же говорил наш шарфюрер: «Твердость и выносливость — вот что нам сейчас нужно, и мы домаршируем до самой Индии». К сожалению, шарфюрер дошел только до Конотопа, где подорвался на мине...

— Мы маршируем каждый день,— похвастался прыщеватый юнец.— Мы не паршивые интеллигенты, которые только и знают, что сидеть, уткнувшись в свои вонючие книги!

— Наш штандартенфюрер тоже терпеть не мог интеллигентов. От них все зло, говорил он, их надо уничтожить всех до одного! Бедняга не успел этого сделать, он сгорел на Курской дуге после залпа «катюши»... Так куда же вы думаете маршировать?

— «Мы пойдем по старому пути»,— процитировал изречение своего фюрера долговязый молодчик с дуэльным шрамом на щеке и протянул гостю очередной номер газеты «Дер нойе ауфбрух», издаваемой книготорговцем Клаусом Яном.

— Хорошая газета,— сказал эсэсовец, проглядывая листок,— хотя вашему Клаусу еще далеко до нашего Геббельса.

— А вы прочтите, как Клаус расписывает нашу поездку на каникулы в Норвегию: «Юноши из «Бунд хайматтройер югенд», побывавшие в Норвегии, убедились, что норвежские девушки ждут не дождутся следующей немецкой оккупации Норвегии, чтобы увидеть германских мужчин».

— В свое время в Норвегии я и один мой однополчанин тоже здорово покуролесили. Правда, какая-то норвежская девушка стукнула моего приятеля молотком по голове, за что и угодила в концлагерь, но в остальном все было просто замечательно. Жалко только, что друг-однополчанин в Житомире угодил под танк, и беднягу так вдавило в землю, что сапог не было видно...

— Истинных тевтонов не остановят никакие танки! — сказал худосочный «викинг» с руническим значком на лацкане пиджака и завопил во всю глотку: «Мы пойдем через Эльбу к Одеру!»

«Викинги», «фюреры» и «орлы» подхватили популярную ныне в ФРГ песню. Комок подкатился к горлу старого эсэсовца. В пивной потянуло родным запахом человеческой живодерни.

— А как насчет этих... ну, догадываетесь, о ком я думаю?

— Можете не беспокоиться,— сказали юнцы,— наш дорогой Хайнц Лембке уже завел на них картотеку. Вот взгляните на такую карточку: «Брехт Бертольд, еврей, всю жизнь был агентом коммунистов».

Тут старый эсэсовец не выдержал. Слезы умиления покатились по его битым щекам.

— «Вернем Германии наши восточные земли»,— грянул хор начинающих погромщиков.

Эсэсовец беззвучно рыдал...

С. ШАТРОВ

Соединенные Штаты усиливают помощь «гориллам» — латиноамериканским реакционерам.

«ДРУГ ЖИВОТНЫХ»

— Это вам, Гориллам, для охоты на Людей...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ДОН ЛУИС находит себя

Не так давно, а точнее, накануне нового года, журнал «Ньюсуик» сделал грустное признание. Оказывается, «романисты давно уже перестали быть королями на параде американской литературы».

Впрочем, американскому читателю это сообщение не показалось сенсационным. Современные авторы пухлых романов давно уже не вызывают у читателя особого почтения, хотя бы потому, что пресса ежедневно рекламирует патентованные способы, как любой желающий может быстро и не потея стать Бальзаком. Литературные умельцы предлагают сделать писателя из каждого желающего за двадцать пять уроков.

Что из этого получается на практике, мы теперь продемонстрируем. В этом, кстати, нам помог американский журнал «Сатердей ревью», любезно опубликовавший недавно типичные образцы «хэппи эндов» («счастливых концов») из современных американских романов. Берем наудачу.

Он целовал ее. Потом он поцеловал ее снова, потому что его беды кончились, и теперь он мог себе это позволить.

Представляете, какая куча дел свалилась с плеч многострадального героя, раз уж он отважился, так сказать, бисировать поцелуй.

А вот другая концовка:

Они поцеловались снова.

— Я рада, что я не монашка,— мечтательно произнесла Энн, прислушиваясь к колоколам.

— Итак,— ее лицо внезапно оказалось у его лица,— поцелуй меня, Блэк. Целуй меня до самого завтрашнего вечера. Потому что я тоже записываюсь во флот.

Здесь, как явствует из контекста, автор прощается с радующейся героиней накануне новых испытаний. И, судя по всему, она намерена подготовиться к ним со всей ответственностью.

Однако не у всех героев счастливый конец наступает так гладко. Некоторые до самой последней строчки пребывают в смятенном состоянии:

— Что же ты стремишься найти так отчаянно! — спросила Элен.

— Себя,— хрипло прошептал Дон Луис, накручивая на палец кружевную кайму ее лифчика.— Себя.

Автор последнего отрывка, постигший таинства изящной словесности за 25 уроков, конечно, догадывался, что его герой Дон Луис не обеспечит ему видного местечка на «параде литературы». Что же стремился найти так отчаянно бедный сочинитель?

— Деньги,— хрипло шепчет сочинитель «хэппи эндов».— Только деньги.— И взасос целует долларовую бумажку.

М. ЗЕНОВИЧ

Н. ЛАБКОВСКИЙ

КАК Я НАУЧИЛСЯ ЧИТАТЬ ПО-ПОЛЬСКИ

С тех пор, как я перевожу с польского, знакомые проявляют ко мне повышенный интерес.

Некая дама потребовала, чтобы я открыл ей правду.

— Не возражайте, мне все известно! — таинственно сказала она.— Я слышала, что любовь — сильное чувство, но не предполагала, что до такой степени. Ах! Влюбиться в прекрасную польку, которая не знает ни слова по-русски, и, чтобы объясниться ей в любви, выучить польский язык!

Некий поэт заманил меня в бар дома литераторов и, угостив коньяком, решительно заявил:

— Не будь гадом, дай телефон негра.

— Какого негра?

— Ну того поляка, который делает тебе подстрочные переводы.

Чтобы прекратить все эти кривотолки, я решил рассказать о том, как я научился читать по-польски.

На самом деле все происходило так: несколько лет назад в Варшаве я познакомился в отеле с одним польским инженером. Две недели мы бойко беседовали с ним при помощи отдельных немецких и французских фраз, завалявшихся у нас в памяти со школьных времен, и, расставаясь, обменялись адресами.

Я возвратился в Москву и через некоторое время получил письмо из Польши. Написано оно было по-польски. Как же его понять?

Приятель, которому я рассказал о своем затруднении, снисходительно хлопнул меня по плечу.

— Есть из-за чего расстраиваться! Польский язык очень легкий, в нем, собственно, и понимать нечего. Дай сюда письмо, я тебе переведу...

Видимо, за время нашей разлуки мой польский знакомый успел переменить профессию, ибо он сообщал в письме, что занимается доением коз в окрестностях горы Гевонт. Далее он уведомлял, что его жена недавно осталась вдовой, но что он лично не присутствовал на своих похоронах, так как находился в командировке. Письмо заканчивалось сообщением о состоянии жены. Она чувствует себя хорошо, но, к сожалению, не дает моему приятелю спокойно работать, так как ночи напролет кричит: «Уа! Уа!»

Все это меня очень огорчило. Сколько несчастий свалилось на этого симпатичного человека! На всякий случай я решил дать прочитать письмо еще кому-нибудь.

В редакции нашелся товарищ, который неплохо читал по-польски. Он взял в руки письмо и начал корчиться от смеха.

— Мировой мужик! — воскликнул он, хлопнув себя по бокам.— Великолепный юморист! Представляешь себе, дома у него живет старый козел по имени Гевонт. Как-то из хлева донеслись странные крики: «Уа,уа!»... И что ты думаешь?! Оказалось, что Гевонт вовсе не был козлом. Он был обыкновенной козой. Об этом свидетельствовала крохотная козочка, только что появившаяся на свет... Какой неожиданный поворот сюжета, а? Дай мне эту штучку, мы ее напечатаем. Читатели полопаются от смеха.

Мне показалось, что в первом переводе история козы выглядела иначе. Я решил это проверить. Мой сосед, поляк по происхождению, уже сорок лет безвыездно проживающий в Москве, охотно согласился перевести письмо. Вот что, оказывается, было в нем написано:

«Дорогой друг! Ура! Ура! Я защитил докторскую диссертацию на тему о том, как в сигаретах «Гевонт» никотин заменять казеином. В результате меня перевели из яслей в детский садик. Здесь мне очень хорошо и я целый день кричу: "Уа, уа!"

Я понял, что еще минута и я сам начну кричать «Уа, уа!», после чего меня заберут в детские ясли, где я смогу наконец защитить докторскую диссертацию.

Избежать этого можно было одним путем: изучить польский язык и самому прочитать злополучное письмо.

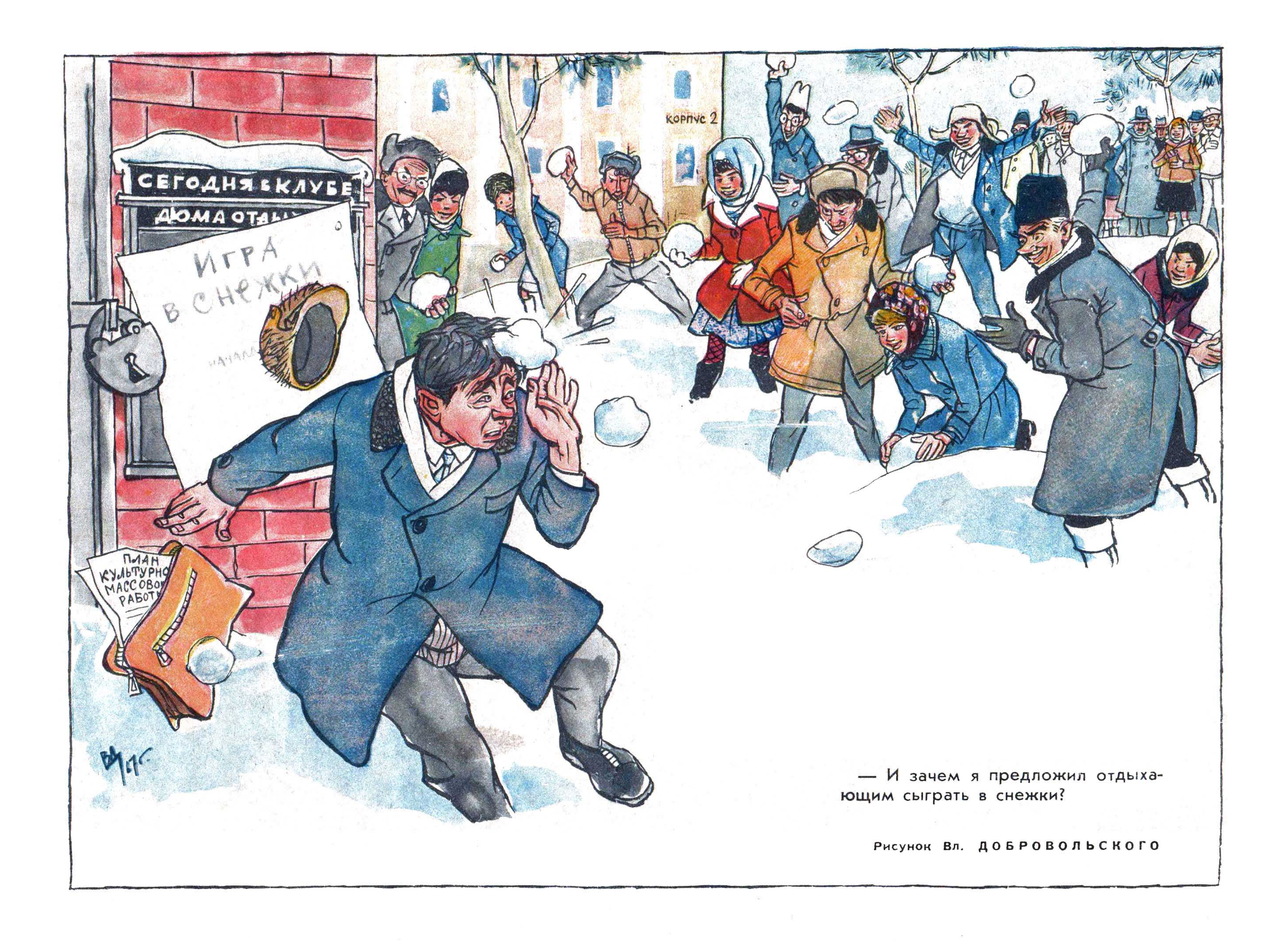
Я так и сделал.

Через некоторое время письмо перестало быть для меня загадкой.

Вот что я прочитал в нем:

«Дорогой друг! Пользуюсь оказией. Приятель летит в Москву в командировку, и я посылаю тебе маленькую посылку. Немедленно зайди в гостиницу «Урал», спроси Яся Садовского, он передаст тебе свежие фляки, которые ты с таким аппетитом уплетал в ресторане «Гевонт»...»

Ах, варшавские фляки! Только в Польше умеют готовить это острое, ароматное блюдо из обыкновенного говяжьего рубца... К сожалению, на этот раз мне не удалось их отведать. Представляете себе, во что они превратились, пока я изучал польский язык.

— И зачем я предложил отдыхающим сыграть в снежки?

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Добрый совет Клавдии Макаровне

Клавдия Макаровна З. праздновала свой день рождения. Позвонили. Почтальон принес телеграмму. Вот какую:

ДОРОГАЯ ХАМОЧКА ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ЖЕЛАЮ ВСЕГО САМОГО ЛУЧШЕГО ЖИЗНИ ЦЕЛУЮ — СЫН.

Сами понимаете, день рождения заметно потускнел. Впрочем, на сына Клавдия Макаровна, естественно, не обиделась. Она также не могла припомнить, чтобы у нее были какие-то личные счеты с тружениками телеграфной связи. Поэтому она обратилась к нам в редакцию за советом: не следует ли ей попросить у Министерства связи справку, подтверждающую, что она все-таки не хамочка, а мамочка?

Прежде всего, уважаемая Клавдия Макаровна, спешим уведомить вас, что вы далеко не единственная жертва телеграфной кабалистики.

Гражданин О. получил от своей сестры Фроси телеграмму:

НБЯЗЫН РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВЫЕЗЖАЙ ЖОМОЖЕМ — ФРОСЯ.

Прочитал гражданин О. это послание и остался стоять столбом в чудовищном недоумении: что ему делать? А когда сунулся было в окошечко телеграфа за объяснением, ему твердо сказали:

— Гы пам бичем не жоможем. Погрутницы, фокорая крупинала милехраму, шеяс пет. Каймиде моцше.

Что означало:

— Мы вам ничем не поможем. Сотрудницы, которая принимала телеграмму, сейчас нет. Зайдите позже.

Но зайти позже гражданин О. не мог, потому что торопился по делам, и так и уехал, мучаясь таинственным словом «нбязын», словно биномом Ньютона.

Или вот вам, Клавдия Макаровна, еще одна жертва — Петр Григорьевич С. Он получил от жены такую драматическую депешу:

НАХОЖУСЬ ТОСКЕ ШЛЮ ПРИВЕТ

Петр Григорьевич натурально всполошился и едва было не рванулся в дальний путь, чтобы утешить грустящую супругу, да, спасибо, вспомнил, что жена, наверное, находится не в тоске, а в Омске. Так оно, к счастью, и оказалось.

И уж совсем не повезло семье гражданина В., отбывшего в очередной отпуск и подавшего о себе такую весточку:

ДОЕФ ИДЛЕЛО ИФЛОКОЕ

В семье, объятой тревогой, мнения разделились. Одни утверждали, что папаша на радостях хватил лишнего и у него дрожали руки; другие намекали на то, что в телеграмме зашифровано нечто зловещее: дескать, он дает понять, что завел новую семью и т. д. Страхи росли, пока злополучный отпускник не явился наконец домой и не расшифровал подлинный текст телеграммы, который всего-навсего гласил: «Доехал, село Высокое».

Но телеграммы не только личного свойства могут повергать людей в смятение и оцепенение, уважаемая Клавдия Макаровна. Вот, к примеру, отрывки из пространной деловой телеграммы, полученной пунктом Стройбанка в городе Тырныаузе:

ОТЧЕТНЫЕ ДАННЫЕ СВЕЕТЕТЬСТВУЮТ... ПРОСРОЧКЗПТ УЗЕТ ЗИТАСЬ САТОТЕКА ОБТТЗЗЕЗСТЕТЕБТЕ МЕЫ ЕЗСОМУ УЛСБ5ЕЙ... РЕЗУТЬТАТАХ ДОЛОЖИТЕ.

Попробуйте разберитесь, о чем «свеететьствуют» отчетные данные и о каких «результатах» надо доложить...

А что бы вы предприняли на месте руководителей узбекской кенафной фабрики, получив из Москвы следующее оперативное послание:

ВАВОЙА ИМААТУЯ НАЛИЧИИ РАМЕН ХРОМОВЯЙ... ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ СВОЕ СОГЛАСИА ОТГРУЗКУ...

Может, вы захотели бы расшифровать текст, прежде чем давать свое «согласиа»? Так это вам вряд ли удалось бы. Ибо на телеграфном языке сообщение, оказывается, гласит: «Заводе имеется наличии ремень хромовый».

Вернемся, Клавдия Макаровна, к вашему вопросу. Вообще-то нельзя сказать, что Министерство связи смотрит на резвящихся телеграфистов сквозь пальцы. Время от времени оно пытается как-то пресечь поток телеграфной абракадабры. Скажем, еще 17 сентября 1964 года министром был издан специальный приказ № 604, «предусматривающий проведение ряда мероприятий, направленных на улучшение качества обработки телеграмм».

Но поскольку, как видите, качество обработки пока еще не достигло желанной высоты, обращаться в министерство за справкой по поводу «хамочки» все же не рекомендуем. Потому что эта справка вполне может не соответтвопрстуфхцабвг...

(Просим прощения за прерванный фельетон. Наш наборщик — бывший телеграфист. Тряхнул, так сказать, стариной.)

А. ВИХРЕВ

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ КОРОТКИЙ РАССКАЗ

НА ЧЕМ ДЕРЖИТСЯ ЗЕМЛЯ?

Хорошо быть культурным. Лежишь после обеда на диване, сами понимаете, с журнальчиком. Жена на кухне посуду моет. Вода из крана журчит. Уютно, тепло. А ты лежишь и думаешь, думаешь... О спутниках, зарплате, полимерах и прочей кибернетике.

Только размечтаешься, как жена со своими кухонными делами лезет.

— Ты, — говорит,— Вася, помог бы мне. Я за Генкой в садик сбегаю, а ты за молоком присмотри, чтоб не сбежало.

А чего за ним присматривать? Молоко не рецидивист, дальше плиты не убежит.

Улегся поудобнее. Для полного комфорта глаза закрыл. Лежу. А из глубины подкоркового сознания всплывают Бардо, Монро, заслуженная артистка Мордюкова и...

Тут дверь хлопнула. Шум, гам. Генка из садика явился. За ним жена с кульками, пакетами, бутылками. Ей навстречу молоко из кухни бежит. Дым, гарь. Ну, никакого тебе романтизма.

Не то, что у Пастернака:

Ты — мила, у тебя есть
поклонники.
Этой белою ночью мы оба,
Примостясь на твоем
подоконнике...

Трах! Таррарах! Рев, крик. Опять Генка что-то натворил. Куда жена смотрит? Вечно у нее то стирка, то полы моет, то котлеты крутит. Полное отсутствие эстетических запросов.

Как там у Багрицкого сказано:

На базаре ссорились торговки:
Шелушилась рыбья чешуя...

Да, было времечко! Романтика. Шаланды, арбузы, бригантины, баркасы, паруса, рифы, мели. Контрабанда! Она же статья 78-я УК. Дивный набор для киностудии. Где это все?

Вот уже вечер. Я лежу на диване, смотрю, как жена Генку спать укладывает, и думаю: на чем земля держится?

Одни говорят: на китах. Другие на старика Ньютона кивают. Проблема! Оставлю на завтра. Устал, спать хочется.

— Жена! Где мои тапочки?

«ФОК»

СВОИМИ СИЛАМИ

Приезжая в район, председатель колхоза «Луч» обходил начальство и «выколачивал» для своего хозяйства все, что мог: шифер или концертную бригаду, резину для облысевшего «ЗИЛа» или толкового лектора, строительный лес или новый комбайн...

На этот раз, явившись в райисполком, председатель колхоза мрачно пробасил:

— Кадры нужны. До зарезу. Вот список.

— Ого! — воскликнул председатель исполкома.— Аппетит изрядный.— И добавил с улыбкой:— Знаю, ты мужик настырный, не отстанешь. Что-нибудь подберем...

Через месяц они снова встретились.

— Радуйся! — Председатель исполкома достал заявку «Луча».— Ты просил дизелиста. Подобрали!

— Дизелиста мы сами раздобыли,— ответил председатель колхоза.

— Тем лучше. Направим в другое хозяйство... Ты просил механика. Есть кандидатура!

— Механика уже нашли.

— Ты просил тракториста. Имеется!

— Сами откопали.

Председатель исполкома опять заглянул в список.

— Шофер второго класса... Есть такой!

— Уже заимели.

— Слесарь-ремонтник... Пожалуйста!

— Сами отыскали. И вдобавок заполучили отличного инструктора физкультуры.

— Выходит, проблема у тебя сейчас решена. Молодец! — похвалил председатель исполкома. — Но где ты нашел эти дефицитные кадры?

— Девчонка одна, Настя-птичница, привела их в колхоз.

— Как это «привела»?

— Обворожила. Красотой своей.

— Всех сразу?! Удивительно!— изумился председатель исполкома.

— Ничего удивительного. Настя вышла замуж за демобилизованного сержанта танковых войск.

«КАДРЫ»

МНЕНИЕ РОДНОГО КОЛЛЕКТИВА

— Меня пригласили работать этажом выше! — объявил я, войдя к себе в отдел.— Вы, конечно, понимаете, как это заманчиво. Но я отказался: надо ведь считаться и с мнением родного коллектива, верно? Ура!

— Ура! — обрадовался родной коллектив.— Качать его! Качать!

И меня подбросили к потолку.

«А коллектив-то и вправду родной,— думал я, летя кверху.— Здоровый коллектив. Сильный. Вон как высоко бросает! И, главное, зла не помнит...»

Страшный удар прервал мои мысли. Это я стукнулся лбом о потолок.

«Ничего себе коллективчик,— думал я, падая вниз.— Им-то что! А все шишки мне. Это уж, конечно, Иванников постарался. Он сильнее всех бросает...»

— Качать его! Качать!

И меня подбросили еще раз. Я посмотрел вниз.

«Молодцы,— думал я, летя кверху.— Уважают! Можно сказать, все как родные. Только Иванников как неродной. А кстати, я Иванникова там не заметил... Значит, это не он, а кто-то другой ударил меня о потолок. А где же Иванников? Ух, черт!»

Страшный удар прервал мои мысли.

«Вот еще синяк,— думал я, падая вниз.— Так раскачать можно только со злости. А где же этот Иванников? Почему он не качает? А-а, понятно. До работы уже успел накачаться... Надо будет его...»

— Качать его! Кача-а-ать!

И я вновь полетел вверх.

«Ну, слава богу,— думал я.— Все-таки не могут они без меня. Придется и вправду отказаться от повышения. Где у меня еще будет такой авторитет?! Кстати, что-то я среди качающих Синицыной не вижу? Вот так всегда: никогда ее нет, когда надо поработать. Придется ее...»

Еще более страшный удар прервал мои мысли. На мгновение я потерял сознание. Очнувшись, я почувствовал легкое головокружение. Потом понял, что это от высоты: я головой прошиб потолок и стоял сейчас этажом выше. Я огляделся. Здесь все было более солидно, удобно и торжественно-телефонно. В полу зияло свежее отверстие. Я подошел к краю его и услышал снизу:

— Уф-ф! Наконец-то! Пусть там с ним помучаются. А теперь — быстро заделывать потолок!

«ИНЖЕНЕР»

РАЗВРАТИЛИ...

Печкину, новому мастеру цеха, объявили выговор...

— С кем не случается,— пытался успокоить его сменщик, тоже мастер.

Подходили другие мастера.

— Бывает похуже...

— Стоит ли переживать?

В течение всего дня подходили, успокаивали.

После обеда подошел начальник цеха.

— Все еще переживаешь? И глупо... Подумаешь, выговор!

В конце смены позвонил сам директор:

— Тот не настоящий мастер, у кого еще нет выговора...

Через год все удивлялись на заводе:

— Печкину-то шестой выговор вкатили! А с него, как с гуся вода... Улыбается!

«ШЕСТЕРЕНКА»

ПО КРУГУ

В воскресный вечер к Ивану Павловичу неожиданно пришли гости и принесли пива.

— У нас нет колбасы, Ваня,— сказала хозяйка, захлопотав у стола.— Сходи. Да не беги бегом. Сердце-то у тебя, сам знаешь...

— Ладно,— согласился Иван Павлович.— Это здесь, рядом, братцы, я мигом.

В первом магазине колбасы не оказалось. Иван Павлович, ускоряя шаг, пошел во второй. Во втором была колбаса, но не было кассирши: ушла сдавать деньги. Иван Павлович здоровой рысцой кинулся к третьему. В третьем была колбаса, была кассирша, но не было продавца: вызвали к директору. В четвертом магазине, куда Иван Павлович прибежал в хорошем спортивном темпе, была колбаса, была кассирша, был продавец, но не было цены на колбасу: что-то напутали в накладной.

Иван Павлович отер взмокший лоб. Минутку он постоял, стараясь отдышаться, подумал и решил обежать магазины в обратном порядке. Нелепо было возвращаться к гостям без колбасы.

В третьем магазине была колбаса, была цена на колбасу, был продавец, но не было кассирши: ушла сдавать деньги. Во втором — была колбаса, была кассирша, была цена на колбасу, но не было продавца: вызвали к директору. В первом магазине колбасы не было.

Иван Павлович стоял, держа руку на сердце. Передохнув, он решил сделать еще круг. Над ним посмеются, если он скажет, что не смог купить колбасы. Куда ни шло!

Во втором магазине колбасу не продавали по случаю внезапной ревизии. В третьем все было на месте, кроме колбасы,— ее распродали. В четвертом колбасу не продавали: продавщица пересчитывала чеки (через пятнадцать минут магазин закрывался).

Иван Павлович прибрел домой. Гости пили пиво, Иван Павлович — капли Зеленина.

«ЛЕМЕХ»

Гость рассматривает домашний альбом с фотографиями, а хозяин дает пояснения:
— Это взрыв пассажирского парохода... Землетрясение в Японии... Ураган во Флориде... Большой пожар в Чикаго... Моя свадьба...

•

Муж говорит жене:
— Послушай, Яцек спрашивает, что значит «невеста». Как ему объяснить?
— Скажи ему, что невеста — это женщина, которой обещают все то, чего она не получит, когда будет женой.

•

— Моя жена — женщина немногословная. Вся беда в том, что свои немногие слова она употребляет слишком часто.

•

В полицейском участке зазвонил телефон:
— Послушайте, сержант, это говорит миссис Ренстон. Я обнаружила у себя в квартире двух незнакомцев. Пришлите полисмена, чтобы он одного из них вышвырнул.

•

Разговор за кулисами:
— Чем расстроена наша прима?
— Сегодня ей преподнесли только девять букетов.
— Но разве этого не достаточно?
— Да, но она уплатила за десять.

•

В Нью-Йорке разговаривают два взломщика.
— Сегодня ночью залезем в этот дом.
— Ты с ума сошел! Ведь здесь живет чемпион мира по боксу среди профессионалов. Он из нас наделает отбивных!
— Ты плохо знаешь профессионалов. Меньше чем за тысячу долларов он и пальцем не пошевелит!

•

Молодой человек идет по деревне. Увидев пожилую женщину, он спрашивает:
— Бабушка, скажите, пожалуйста, как быстрее попасть в больницу?
— А вы скажите мне еще раз «бабушка» — и сразу там окажетесь.

•

Бабушка говорит подрастающей внучке:
— Нынешние девушки не имеют даже понятия, для чего нужна игла.
— Как это не имеем понятия? Для проигрывателя!

•

В перерыве между раундами слабый боксер спрашивает у секунданта:
— Есть у меня шансы на победу?
— Конечно, — хладнокровно отвечает секундант.— Если ты и дальше будешь так же махать руками у противника под носом, он, наверняка, погибнет от воспаления легких.

ПЯТИБОРЬЕ ОСТРОУМНЫХ

Дорогие товарищи пятиборцы!
После опубликования условий первого тура нашего «Пятиборья остроумных» в 33-м номере «Крокодила» за прошлый год мы получили 11 213 писем. Мы от всей души благодарим их авторов, которых, кстати, было значительно больше, чем писем. Нам писали семьями, домами, учреждениями и даже воинскими подразделениями.

Мы подводим итоги несколько раньше намеченного срока, потому что, во-первых, количество получаемых нами писем в последние дни резко сократилось, а во-вторых, многие участники пятиборья выразили желание, чтобы мы побыстрее опубликовали результаты 1-го тура. Мы тщательно проверили, все ли наши читатели имели возможность ознакомиться с условиями и написать нам. Да, времени было достаточно. Нам писали из горных кишлаков Памира и из далекой Якутии, с Чукотки и из Владивостока.

В этом номере мы публикуем пятнадцать лучших подписей, но это не значит, что в остальных 11 198 письмах не было остроумных решений. Дело просто в том, что многие варианты повторялись. Например, более 700 участников предложили подпись «А у нас силос вкуснее», или «А у нас в коровнике лучше кормят». Около 300 человек написали «И здесь корма грубые» и т. д. Таким образом, мы должны были отбирать не только остроумные, но еще и оригинальные подписи, к тому же четко сформулированные. Стоит ли продолжать соревнование тем, кто не набрал очков, или сойти с дистанции? Безусловно, стоит. Ведь впереди еще четыре тура, и шансы на победу пока остаются у всех.

СПИСОК ПОБЕДИТЕЛЕЙ ПЕРВОГО ТУРА

№№ п/п	Фамилия пятиборца	Подпись	Количество присужденных очков	Место по 1-му туру
1.	Лямин В. В., г. Пермь	— В чайной его нет, в столовой нет, неужели зоотехник к нам на ферму забрел?	10	1
2.	Марков О. М., станица Пролетарская, Ростовской обл.	— Только и разницы, что вместо «рацион» говорят «меню».	9	2
3.	Попов Л. В., г. Щекино, Тульской обл.	— Не робей, Маня! По калькуляции нас уже съели!	8	3—4
4.	Новичихин Е. Г., г. Воронеж	— Вот это номер! Не могу понять, как мы с тобой, Буренка, заблудились! — Столовая с коровником, видать, по одному проекту возводились...	8	3—4
5.	Еремеев В. Г., г. Калининград	— Пойдем на ферму, поедим по-человечески!	7	5—6
6.	Гамольский Л., г. Днепропетровск	— Скорее на ферму, пожуем по-человечески!	7	5—6
7.	Волков В. Ф., г. Яранск, Кировск. обл.	— А теперь куда? — Как куда? Я к повару, ты к заведующему. Мы ведь сэкономленные...	6	7
8.	Гапкалов А. А., г. Бежецк, Калининской обл.	— От таких щей бодаться не будешь...	5	8—9—10
9.	Щугом И. И., г. Саратов	— Никогда не думала, что в нас такое количество хлеба, сухожилий и костей.	5	8—9—10
10.	Жирнов О. П., г. Ленинград	— Ты обратила внимание, какой прекрасный дояр подавал нам компот?	5	8—9—10
11.	Лаптев В., г. Таллин	— Ах, как нас гостеприимно встретили — хлебом и солью. — Деревня! Это же нас котлетами угощали.	4	11—12
12.	Черепанов А. А., с. Еткуль, Челябинской обл.	Столовая от ферм недалеко. Подруге говорит Буренка: — Как хорошо сухое молоко! — А мне понравилась сгущенка!	4	11—12
13.	Аннапольский Г., г. Москва	— Молока они не принимают, а «Перцовкой» я доиться не научилась.	3	13.
14.	Ожерелков В., г. Ярославль	— Конечно, мы вегетарианцы, но после такого обслуживания так и хочется кого-нибудь съесть!	2	14—15.
15.	Шмульян Г., г. Одесса	— Лучше быть за столом, чем на столе.	2	14—15.

Судейская коллегия пятиборья, коллектив редакции «Крокодила» и, мы в этом уверены, все наши читатели от всего сердца поздравляют победителей 1-го тура.

А ТЕПЕРЬ — ЗА РАБОТУ! СОРЕВНОВАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Прочтите внимательно этот коротенький рассказ. У него, как вы легко заметите, одна особенность — нет конца. Его-то вы и должны придумать. Сам рассказ переписывать, разумеется, не нужно, пришлите только конец. Лучше, конечно, напечатать его на машинке, но в крайнем случае напишите от руки максимально разборчиво. Концовка не должна занимать более половины странички, то есть содержать не более ста слов.

Не забудьте надписать на конверте «Пятиборье, 2-й тур». Письма должны быть получены редакцией до 10 марта. В номере от 30 марта будут опубликованы результаты 2-го тура и условия 3-го. Желаем всем участникам удачи.

Человек с мешком

РАССКАЗ

Все началось из-за ерунды. Человек в зеленой шляпе и в сапогах с калошами положил на нижнюю скамью объемистый и, видать, нелегкий мешок, а сам остался стоять в проходе.
— А вы бы наоборот,— ласково посоветовал старик с усами, острыми, как школьные перья,— сами бы сели, а мешок — на пол или еще лучше — под лавку.
— Женой своей командуй!— отрезала шляпа.
— Ну, не желаете садиться, тогда заберите свою поклажу к черту. Я спать буду.
— Не заберу.
Дремавшие пассажиры один за другим приподняли головы. В предутренний вагонный покой был брошен увесистый камень скандала, и от него побежали круги.
— Убери мешок!
— Вот же люди!
— И сам не гам и другому не дам!
Уверовав в то, что вагонная общественность на его стороне, старик потянулся к мешку с явным намерением сбросить его на пол.
— Назад!— зарычал человек в зеленой шляпе.
Старик поспешно отдернул руки.
В это время поезд замедлил ход.
— Вот и Зеленый Лог,— донеслось с верхней полки.
— Зеленый Лог?— возбужденно переспросил обладатель мешка.— А сколько стоим?
— Тридцать минут,— поспешили проинформировать с верхней полки.
— Вот здорово! Значит, успею. Минут за двадцать обернусь.
Поезд остановился.
Хрипло бросив старику «Мешка не касаться!», пассажир поправил шляпу и скрылся.
Все взоры обратились к мешку.
— А чего с ним церемониться!— сказал старик, но в этот миг произошло нечто странное. Мешок явственно дернулся и зашевелился. Впрочем, через секунду он затих, но этой секунды было достаточно, чтобы в купе воцарилась гробовая тишина. И в этой тишине раздалось громкое тиканье. Тикало в мешке.
Все оцепенели. И вдруг человек с верхней полки ахнул:
— Братцы! Да что ж я ему сказал?! Это ведь не Зеленый Лог, а Поречье. Стоим всего три минуты!
Раздался гудок паровоза...

— Скажите, как пройти в джунгли?

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Приказ
За безупречную, долголетнюю и хорошую работу тов. Болотину объявить благодарность, наградить ценным подарком—настольными часами и уволить с работы...»

Копию снял Р. ХАННАНОВ.
г. Уфа.

«Заявление
Я вышел на работу малость выпивши ввиду моего дня рождения. Прошу больше не напоминать мне о выпивке, потому что это трогает и оскорбляет.
Зюзин».

Выписал Н. ОВЧАРОВ.
г. Николаев.

«Выпиленная из контейнера дыра изъята для приобщения к уголовному делу».

(Из протокола осмотра.)
Выписал В. МАЛЬЦЕВ.
г. Ленинград.

«С украденным листовым железом мы шли по направлению домой, но милиционер изменил направление нашего пути в нежелательную для нас сторону».

(Из объяснения.)
Прислал П. ГРОМОВ.
г. Кишинев.

«Жители вынуждены искать для перевозки дров и других бытовых вещей шофера с левым уклоном».

(Из письма в редакцию газеты.)
Выписал А. ИЛЬИНСКИЙ.
г. Лудза.

«Прокурору района
Направляется бухгалтер Покрасова Э. Е. на получение инструктажа по краже бутылок и денег.
Директор — В. Грачев».

Прислали М. ХАЗИН и В. ЯЦКОВСКИЙ.
г. Ярославль.

Валентин Петрович КАТАЕВ
(к 70-летию со дня рождения)

Дружеский шарж КУКРЫНИКСЫ

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«КАПИТАН «ПАДЕГРАС»

Как выяснил наш специальный корреспондент, с пьяными хулиганами, подходящими под действие Указа, в Мурманске борются. Милиция и ее помощники действуют строго и решительно. Но не борются в Мурманске с самим пьянством. Если пьешь, но пока не нарушаешь,— пей на здоровье! Пей в кафе, пей в ресторанах! (Фельетон «Капитан «Падеграс». «Крокодил» № 33, 1966 г.).

Как сообщил редакции первый секретарь Мурманского горкома КПСС тов. Котов, факты подтвердились. Бюро горкома КПСС наложило партийное взыскание на директора треста столовых тов. Модлина и обратило внимание секретарей отдельных партийных комитетов на недостаточную заботу о культурном досуге трудящихся. Партийным комитетам предложено обсудить в парторганизациях состояние борьбы с правонарушениями.

В постановлении горкома КПСС указано на необходимость систематического контроля за соблюдением установленных правил торговли спиртными напитками. Даны рекомендации о проведении рабочих собраний в коллективах предприятий торговли и общественного питания.

В тресте столовых разработан план практических мероприятий по повышению культуры обслуживания. Впредь оплата труда официантов будет производиться с учетом реализации кухонной продукции, а не спиртных напитков.

ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ЛЯПСУСОВ

Прокурор Жовтневого района, Николаевской области, тов. Алексеенко прислал гражданке Л. А. Мусиенко ответ на ее заявление. Понять что-либо из ответа тов. Мусиенко не могла, зато вдоволь посмеялась над нелепо составленным посланием. Вместе с ней посмеялись и читатели 33-го номера «Крокодила» (1966 год), где под рубрикой «Нарочно не придумаешь» было напечатано сочинение тов. Алексеенко.

Зам. прокурора Николаевской области М. Жуматий сообщил редакции, что «прокуратурой области проверена работа прокуратуры района по разрешению жалоб и заявлений граждан. Результаты проверки обсуждены на оперативном совещании. За неудовлетворительную постановку работы по рассмотрению жалоб и заявлений на тов. Алексеенко наложено дисциплинарное взыскание».

«ПЕЛЕ» СО ШТАМПИКОМ»

На футбольном первенстве Удмуртии среди леспромхозов сборная Кезского леспромхоза прославилась тем, что была... липовой. Председатель рабочкома леспромхоза А. Г. Городилов счел, что заниматься подготовкой собственных спортивных кадров ни к чему, проще «пригласить» футболистов со стороны. А для того, чтобы очковтирательство не обнаружили (ведь перед матчами проверяют, нет ли подставных), он поставил в паспортах игроков штамп леспромхоза. Этой операции был посвящен фельетон «Пеле» со штампиком» (см. «Крокодил» № 29, 1966 г.).

Как сообщил секретарь парткома Кезского леспромхоза тов. А. Рылов, за допущенные нарушения правил спортивных соревнований партком строго предупредил председателя рабочкома А. Городилова и заместителя директора А. Котегова. Теперь в леспромхозе уделяется большое внимание спортивной работе, созданы секции по волейболу, настольному теннису, комплектуются лыжные команды.

КРОКОДИЛ

№ 3 (1833)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ПЯТЫЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера разработали
М. Битный
М. Вайсборд
А. Грунин
Н. Станиловский
Ю. Степанов
В. Тамаев
Ю. Узбяков
Ю. Федоров

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (ответственный секретарь)
Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00013.
Подписано к печати 19/I—67 г.
Тираж 4 600 000 экз.
Формат бумаги 70×108⅛
2 печ. л., 2,80 усл. л.
Изд. № 154.
Заказ № 140.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448.

МЕБЕЛЬНЫЙ ГАРНИТУР ДЛЯ ДВОИХ

Рисунок Бор. **ЕФИМОВА**